

Г.Г.Батура

Конфуций и Вэнь

16+

Георгий Георгиевич Батура

Конфуций и Вэнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39985292

SelfPub; 2018

Аннотация

В книге рассматривается вопрос правильного понимания базовой терминологии Лунь юя (иероглифы Жэнь, Вэнь, Дэ и др.). В качестве обоснования дан перевод с вэньяня первых четырех глав этой книги. Рассмотрение каждого суждения сопровождается подробным комментарием. Параллельно проводится сопоставление проповеди Конфуция о Вэнь с евангельской проповедью Христа о Царстве и с положениями классических Упанишад Индии о Брахмане. В книге показано, что во всех этих текстах речь идет о едином для всего человечества "духовном опыте".

Содержание

Посвящение	4
Предисловие к переводу Лунь юй	6
Феномен Конфуция	21
Чжэн мин «исправление имен»	44
Объяснение основных терминов Лунь юя	84
Жэнь	85
Дэ	105
Вэнь	110
Ли	116
Дао	119
Сяо	121
Тянь	124
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Конфуций и Вэнь

Посвящение

Мы *никогда* не поймем всего того, что говорил Конфуций, если хотя бы на короткое время не станем такими же, как он. Мы – принципиально другие и смотрим на все его рассуждения исходя из наших более поздних представлений о мире. У нас – рациональное отношение к жизни; мы проповедуем научный подход к вещам и испытываем абсолютное недоверие ко всем тем, кто верит в «чертей и духов». Все такие *верящие* – те, кто на нас непохожи, – это больные и сумасшедшие. У нас нет желания их слушать, и тем более понять.

Но при этом мы должны хорошо осознать элементарное: к плеяде таких «сумасшедших» относятся все те гении человечества, которым мы обязаны своим сегодняшним нравственным состоянием, и на величии которых держится наша цивилизация. Это – Христос, Конфуций, Платон и Плотин, Будда и Моисей, пророк Мухаммад, Заратуштра и Вэнь-ван, Яджнявалкья и Серафим Саровский, Парамахамса Рамакришна и апостол Павел, Шанкара и Ориген. Мы берем от них одно, но закрываем глаза на другое – на то, что мы не понимаем и не принимаем. Отними имена всех этих гениев от нас, сегодняшних, и наш человеческий мир превратится

в мир животных.

Для того чтобы понять подлинного Конфуция, надо самому *стать на него похожим*, – стать хоть немного *сумасшедшим* по нашим сегодняшним меркам, и *сердцем* своим поверить в тех «духов предков», которым он поклонялся всю свою жизнь и о которых постоянно твердит в своих «Беседах и суждениях».

Автор попытался это сделать – стать «сумасшедшим», как и он, чтобы увидеть изнутри удивительный *параллельный* мир таких людей. Они, эти великие «духи» человечества, признали автора своим и разрешили ему войти в свое закрытое пространство. Здоровые и разумные! Добро пожаловать в Наш *сумасшедший* дом! Здесь говорят Правду и только Правду.

В этом доме случаются удивительные вещи, о которых читатель даже *слыхом не слыхивал и видом не видывал*. И все-таки, не следует этого пугаться. Автор предлагает прочитать книгу до конца и только после этого сделать вывод о том, насколько логично величайший Учитель Китая изложил свое бессмертное всечеловеческое *учение о сердце* – Учение древнего дома Чжоу о *Вэнь*.

Предисловие к переводу Лунь юй

Давайте автор откроет читателю «страшную тайну». В том древнекитайском письме, которое существовало во время Конфуция, не было грамматики. Иероглифы шли один за другим, как кадры кино, и воспринимались «зрителем» именно как развертывающиеся события фильма. Рисунок иероглифа говорил сам за себя, так как имел хорошо просматриваемое значение. В иероглифах еще не было так называемых «ключей» (иначе, – радикалов, детерминативов), которые появились на регулярной основе не ранее III в. до н. э. в результате последовательной реформы письма, изменившей прежний письменный язык до неузнаваемости. Классическое древнекитайское письмо – *вэньянь*, на котором до нас дошел текст Лунь юй, во многом унаследовало эту «рисунчатую» структуру письма эпохи Конфуция. Недаром в научной среде *вэньянь* сравнивается со *стенографией*. Вот что пишет об этом В. А. Курдюмов в своей книге «Курс китайского языка. Теоретическая грамматика» (ЦИТАДЕЛЬ-ТРЕЙД; ЛАДА, М.: 2005, стр. 89, 91):

С нашей точки зрения *вэньянь* **не может рассматриваться как разговорный язык**, поскольку он обладает всеми признаками *системы записи* (языка для записи), грубо говоря, «стенограммы». <...> **В качестве аналогии вэньяню**

можно привести различные искусственные системы записи типа стенографии, которые опять же, имея источником реальную речь, тем не менее, **не могут быть прочитаны «дословно»**. <...> Совершенно очевидно, что и китайский *вэньянь* может рассматриваться как именно такой оптимизированный и отшлифованный *корневой* язык, в котором на письме отсекались грамматические показатели, возможно, преобразовывалась грамматика, на котором в конечном итоге можно было создавать официальные документы и художественные произведения, общепонятные в масштабах всей страны и который неизбежно менялся с изменением реального языка (**выделение** здесь и далее наше – Г. Б.).

Древние китайские тексты были, фактически, прото-фильмами, нарисованными на бамбуковых планках или на внутренних стенках ритуальных бронзовых сосудов, а не словесными текстами. Здесь допустимо сравнение с детскими «комиксами», которые тоже «не могут быть прочитаны дословно». За прошедшее после Конфуция время в этих «текстах-фильмах» изменилось всё до неузнаваемости: и сам рисунок иероглифа, и его логическая структура, и стиль написания, и произношение, и десятки новых значений, появившихся для тех же самых знаков, и, наконец, появилась та грамматика, представление о которой сегодня имеет каждый школьник. «Немой» картиночный язык общения человека с миром духов – а именно эту функцию выполняли

древние иероглифы даже во время Раннего Чжоу – постепенно преобразовывался в «буквенную» письменность для синхронной фиксации устного общения человека с себе подобными. Рисунок густо окрашивался «фонетикой».

И в этот процесс реформы – кардинальной ломки основополагающих принципов функционирования древнего письма – «совсем некстати» вклинилась фигура величайшего Учителя Китая – Конфуция. Китайцы изначально не понимали своего Учителя. Это произошло по той причине, что Конфуций – и по своему менталитету и по своим убеждениям – принадлежал к стемительно исчезающей «эпохе Вэнь-вана», в то время как современный ему Китай уже полностью развернулся в сторону обычного, «нормального» человеческого существования, – существования без «духов», без «загробного мира» и без постоянных мыслей о том, что ожидает человека после смерти.

О том, что это действительно так, и что мы ничего не преувеличиваем, свидетельствует **изначальное непонимание Китаем очень важного, но в то же самое время простейшего по своему смыслу суждения Лунь юя**. Конфуций горестно восклицает: «Кто [из людей] может выйти, минуя дверь? Почему же [они] не идут [этим] Путем (Дао)?» (6.17). «Дверь» – это та *смерть*, через которую каждый из нас выходит в «мир иной». Конфуций как бы предостерегает своего слушателя, что неосмотрительно пренебрегать Путем (Дао) древних, т. к. в этом случае человек после

смерти обязательно столкнется с чем-то нежелательным. А отсюда – естественный и абсолютно логичный вывод: подлинное Учение Конфуция – это вовсе не учение о справедливом обществе, а фактически «Руководство к Смерти». И в этом нет ничего необычного: любая древняя религия – это и есть подобное «Руководство». Но в отличие от наших сегодняшних представлений о смерти такое «руководство» древних никогда не было окрашено в истерические или трагические тона.

«Невероятно! Этого не может быть! Учение Конфуция не имеет никакого отношения к религии!» – возразит нам современный образованный читатель. К сожалению (или, к счастью), такое традиционное представление о Конфуции придется пересмотреть. Все последние выводы археологии Китая в части конкретизации жизни аристократической верхушки Чжоу (название ранней династии Китая) свидетельствуют о том, что Конфуций **ничего нового не придумывал и никакого «своего» Учения не создавал**. Он просто *копировал* духовную практику Чжоу, приспособив ее к изменившимся условиям общества. И именно об этом – о том, что сам он ничего не создаёт, а только *«следует Чжоу»* – Конфуций заявляет в своих беседах неоднократно. Причем, с таким прочтением этих иероглифов никто не спорит. Но в то же самое время подлинный смысл его Учения никто не понимает – даже его любимые ученики. Не понимают они и связи этого Учения с практикой Чжоу. И в этом тоже

нет ничего удивительного: подлинное Учение евангельского Христа не понимал ни один из Его учеников-апостолов. Это Учение смог понять только тот «Иоанн», который зафиксировал его в Четвертом какноническом *Евангелии*.

Подтверждением этих наших слов – «никто не понимает» – является главная загадка всего Лунь юя: что означает то *Жэнь*, которое является основополагающим термином Учения Конфуция? Этот иероглиф встречается в тексте Лунь юя 109 (!) раз. Для сравнения скажем, что, например, самый распространенный в Дао Дэ цзине и во всей китайской философии иероглиф *Дао* («Путь», в том числе обычная «дорога») здесь повторяется только 83 раза. Во всем научном мире смысла *Жэнь* никто никогда не знал и не знает. До сих пор! Ученики многократно спрашивают своего Учителя, что же это такое, но остаются в неведении. Учитель им знание *Жэнь* не открыл. Откроем мы.

Подлинная «религия» Конфуция (оставим именно этот термин, хотя его смысл превратился в современном атеистическом обществе почти в ругательство) со временем была преобразована китайскими комментаторами в некое социальное учение о справедливой жизни «верхов и низов» Поднебесной (Китая). И сделано это было не по чьему-то злому умыслу, а именно **от полного забвения и незнания идеалов Раннего Чжоу**. После прославления Конфуция были введены новые значения для всех главных древних иероглифов Лунь юя, – с той целью, чтобы привести смысл всех вы-

сказываний Учителя к какой-то разумной логике. Часто это делалось не от злого умысла, – комментаторы прекрасно понимали, что текст Лунь юй должен иметь разумный смысл, но они этого смысла не видели.

И как нам сейчас разобраться во всем этом нагромождении «испорченных» иероглифов и их более поздних значений? Ведь текст, датируемый V–IV вв. до н. э. и записанный некогда древним письмом *гу вэнь*, дошел до нашего времени в графике, грамматике, стиле и редакции III–VI вв. н. э. (уставное письмо *кай шу*, – фактически, современный шрифт).

И увы! Исследователи никогда не имели в своем распоряжении подлинного, т. е. исходного древнего текста Лунь юй, который был утрачен еще до новой эры. При этом следует хорошо понимать принципиальную разницу между передачей информации с помощью обычного для европейца фонетического письма и письма иероглифического, которое, по самой его природе, невозможно «прочитать» так же, как читается – по буквам! – например, даже самое раннее греческое письмо. «Перевод» того или иного древнего китайского иероглифа (который, как ошибочно полагают, эквивалентен одному слову европейского языка) – это не то, что перевод буквенного слова: иероглиф имеет одновременно несколько различных словарных значений, причем, часто прямо противоположных. В европейском алфавитном письме несравненно меньше простора для возможного искаже-

ния исходного смысла текста и его неправильного понимания при прочтении.

В относительно древнем китайском письме – в том, на котором и дошел до нас Лунь юй (если сами иероглифы в таком письме почти современные, то их сочетание и «грамматика» иные), – научному исследователю этого текста очень многое приходится принимать на веру, полагаясь в таком понимании на авторитет древних комментаторов. А они, к сожалению, – уже **ничего не знали**. Даже сегодня мы располагаем гораздо большей информацией о Китае периода становления династии Чжоу, чем любой древний комментатор. Все без исключения имеющиеся «переводы» Лунь юя поневоле отражают взгляд той комментаторской традиции, которая была выработана в Китае около двух тысячелетий назад. Иного прочтения этого древнего и загадочного иероглифического текста в мире не существует.

Но подобное «понимание» текста – из-за своей очевидной мозаичности и отсутствия в нем какой-либо единой логической связи между всеми высказываниями – носит название «Афоризмов», т. е. безотносительных отрывочных речений, причем, речений очень банальных, – высказываний «ни о чем и обо всем». При этом сам Конфуций неоднократно заявляет, что все его Учение «пронизано одним» (или «единым»). Так чем же оно все-таки «пронизано»? На этот вопрос читатель получит ответ в предлагаемой книге.

И именно в этом заключается *главное противоречие* меж-

ду тем, что из столетия в столетие повторяет комментаторская традиция, и тем, что заявляет сам Конфуций. Приведем слова известного советского и российского китаевода – прекрасного знатока и исследователя древнекитайского языка А. М. Карапетьянца о главном термине всего Лунь юя – об иероглифе *Жэнь*, который, как ошибочно предполагает традиция, был введен в литературный язык самим Конфуцием. Поясним читателю, что этот иероглиф традиционно переводится как «человеколюбие» или «гуманность». **«Мы бы не применили этот термин нигде, где его применяет Конфуций»** – так заявляет А. М. Карапетьянц. То есть если *Жэнь* понимать в смысле «человеколюбие», то он не вписывается в логику всего остального текста.

И тем не менее, Конфуций этот термин применяет там, где считает нужным. Но если это действительно так, в таком случае какая-то из двух сторон, участвующих в споре о правильном понимании этого иероглифа, оказывается неадекватной: или Конфуций, или, что выглядит более вероятным, – наше научное понимание этого знака. Неадекватны, вне сомнения, мы.

Вот еще один отзыв, но уже другого российского специалиста, который посвятил не один десяток лет разгадке тайн Лунь юя. Приведенные ниже слова принадлежат недавно ушедшей из жизни Л. И. Головачевой: «“Понятный” текст переводов превращает учение Конфуция в **нечто плоское, пресное и очень примитивное**». И здесь Лидия Иванов-

на абсолютно права. При здоровом прочтении всех переводов этот текст действительно производит впечатление чего-то примитивного. И дело здесь вовсе не в качестве «европейского» перевода, – на современном китайском языке этот текст выглядит в понимании самих китайцев несколько не лучше. Удивительно, но такого впечатления нет, когда мы, например, читаем *переводы* греческого Платона, который жил *в то же самое время*, только на другом конце планеты. Но возможно, все европейские ученые неосознанно закрывают на все это глаза, полагая, что Восток уже по своей изначальной природе таков... несколько *простоват*?

Понятно также и то, что для того, чтобы открыто высказать свое нелицеприятное отношение общепризнанному пониманию Лунь юя, профессионал-синолог должен преодолеть многое. Потому что таким своим заявлением он фактически бросает вызов всему остальному научному сообществу и ставит под угрозу собственную профессиональную репутацию, а значит и карьеру. И все это только ради той *правды*, которая ему вдруг открылась. Более того, заявляя свое «нет» традиционному пониманию текста, такой специалист хорошо осознаёт, что разумного альтернативного решения данной проблемы сам он предложить не в состоянии.

И все-таки выход есть. Первое и самое главное: Конфуций говорит о таком *духовном* становлении человека, которое существовало, существует и будет существовать в человечестве все века и тысячелетия. Ведь мы, например, точ-

но знаем, что у юноши со временем начнет расти борода, а у девочки – разовьется грудь. Мы это видим своими глазами и поэтому верим. Точно так было во времена Конфуция, было до него, и будет через 1000 лет после нас. В *духовных* вопросах, о которых говорит Конфуций – пусть это духовное и невидимо глазу – те же самые закономерности. Если у человека есть собственный опыт, аналогичный тому о котором учило Раннее Чжоу в качестве «спасения» (о том, что это означает в Учении Конфуция, мы скажем позже), – значит, база для понимания суждений Конфуция уже имеется. Понятно, что «духовная грудь» (читай об этом в раннехристианских «Одах Покоя», ошибочно переводимых как «Оды Соломона») развивается далеко не у каждого, становящегося взрослым. Поэтому о таких вещах не пишут, а если кто-то и пережил нечто подобное, то, как правило, считает это чем-то «непонятным», а еще точнее, – не имеющим непосредственного отношения к той конкретной земной жизни, в которой он живет. Ведь всякое может случиться с человеком.

Сегодняшний век компьютерных технологий, а также появившаяся в обществе религиозная свобода и свобода в информационном пространстве позволяют сделать то, что было невозможно сто лет назад: собрать воедино зафиксированный духовный опыт человечества и сравнить его с теми словами-«рисунками», которые «говорит» Конфуций. В сегодняшнем мире отсутствует сведенное воедино описание развития стандартных внутренних духовных процессов в че-

ловеке. В мире существуют отдельные тексты, – как правило, философского или религиозного содержания, в которых этот вопрос раскрывается в какой-то своей отдельной части. И главные из таких текстов – это Лунь юй, *Евангелия* (включая коптское *Евангелие от Фомы*) и классические *Упанишады* Индии. Причем, Лунь юй и *Евангелия* **никогда правильно не понимались**, а *Упанишады* – в отрыве от этих двух текстов – представляют собой «сплошной туман» для бредущих в нем на ощупь «философов» и богословов.

И в дополнение к абсолютному непониманию этих текстов – в нашем цивилизованном обществе отсутствует хоть какое-то разумное представление о принципиальной разнице между стандартными духовными процессами, происходящими в человеке, и теми психическими недугами, которые приводят человека к сумасшествию. В этом отношении европейское человечество не смогло сделать даже крошечного шага вперед по сравнению с теми евангельскими иудеями, которые предполагали, что Христос «сошел с ума». Здравый человек современного европейского общества – а таковой всегда является неверующим – и сегодня не сомневается в том, что если и существовал когда-то на земле такой человек, как Христос, то он действительно был «немного не в себе». Ну а Конфуций – продолжает рассуждать наш грамотный современник – он был поборником за социальную справедливость, т. е. за справедливое управление народом Поднебесной.

Итак, первым условием правильного понимания содержания Лунь юя является получение читающим *духовного* опыта, аналогичного тому, который в этом тексте описывается. Причем, мы не ставим перед собой цель как-то этот опыт возвеличить, а значит, поднять таких людей на недостижимую высоту относительно всего остального человечества. Будем надеяться, что будущее развитие науки покажет, кто эти люди на самом деле. Возможно, это – проявление какой-то особенной болезни, которая до настоящего времени не идентифицирована медициной по причине ее редкости или трудности обнаружения. Мы говорим сейчас о другом: о том, что для правильного понимания Конфуция, необходимо *заболеть* той же самой «болезнью». Другого пути для понимания текста Лунь юй (впрочем, и евангельского тоже) в мире не существует.

Вторым условием, которое поможет нам разобраться в Учении Конфуция, являются выдающиеся достижения современной науки. О роли интернета и компьютера мы уже упомянули. Из археологических изысканий последнего столетия нам уже хорошо известно, что представляло собой раннее Западное Чжоу и тот его духовный мир, на который опирался Конфуций в своем Учении. О том, что он в этом Учении не предлагает ничего нового, а просто *«следует Чжоу»*, что он *«передает, а не создает»*, – он сам заявляет неоднократно, причем, эти простые «слова» иероглифического текста невозможно понять как-то иначе. Но при

этом вся базовая духовная терминология Лунь юя (включая иероглиф *Жэнь*) – это терминология, разработанная во время начала прихода к власти династии Чжоу (X в. до н. э.), а во многом и ее предшественницей – древнейшей династией Китая Шан-Инь. И именно она, эта терминология, непонятна как слушателям Конфуция, так и всем последующим комментаторам.

И последнее, третье. В современных академических словарях собраны все известные предполагаемые значения того или иного иероглифа, включая даже самые древние, доконфуцианские. Грамотный в *духовном* отношении человек (или «больной», если такая формулировка кого-то устраивает больше), который исследует Лунь юя, выбирает из всей «колоды карт» этих значений единственную – ту, которая была в руках у самого Конфуция. Так что понять подлинный смысл суждений Лунь юя все-таки можно. И главными нашими помощниками в этом деле будут двое. Первый – это самый известный в России и самый полный «Большой китайско-русский словарь» под редакцией профессора И. М. Ошанина. В нем собраны почти все известные науке значения иероглифов *вэньяня*, включая самые древние и давно вышедшие из употребления. И второй – это недавние исследования выдающегося китаевода современной России, ныне покойного, Василия Михайловича Крюкова. Его заслуги в исследовании духовного мира Раннего Чжоу по достоинству еще не оценены ни у нас, ни в Китае.

Да, мы почти забыли напомнить читателю еще об одной «малости». В спорных вопросах следует внимательно присматриваться к рисунку иероглифа и стараться буквально «разобрать его по косточкам», разглядывая его древние «останки». То есть пытаться понять его изначальный древний рисунок, а значит и смысл. Иногда только это помогает найти «выход из тупика».

Итак, что нам требуется для правильного понимания текста Лунь юй? Представьте себе, что вы держите в руках прекрасный древний перстень, в котором в богатую и с замечательной искусностью выполненную оправу (ведь древние китайцы – это выдающиеся мастера ювелирных дел!) вставлена зеленая стекляшка из какой-то переплавленной пивной бутылки, которую все «ценители» называют изумрудом. Это и есть существующий «перевод» (читай: понимание) Лунь юя. «Грамматика» *вэньяня*, последовательность слов, и даже проставленные впоследствии знаки препинания – все в этом «переводе» прекрасно. Но при этом требуется... «исправление имен» (*чжэнь мин*). Так это назвал сам Конфуций в одном из суждений, прекрасно отдавая себе отчет в том, что современники его не понимают.

То есть нам, сегодняшним реставраторам первоначально-го смысла Лунь юя, не требуется быть мастерами ювелирных дел и изготавливать новую изысканную оправу. Нам не требуется в совершенстве владеть премудростью древнекитайского языка, – в этом нам помогут уже имеющиеся словари

и переводы древнего текста. Нам требуется только осторожно извлечь из замечательного Царского перстня это гораздо более позднее «бутылочное стекло» и поставить на его место прекрасный и величественный бриллиант всех времен и народов, имеющий древнее китайское название *Вэнь*. «Афоризмы» Лунь юя следует заменить на непротиворечивый и осмысленный текст. Сегодняшний Лунь юй – в том числе в своей современной китайской версии – это «голый король» из одноименной сказки Г. Х. Андерсена. И то, что ему аплодируют все европейцы (правда, немного сконфузившись), свидетельствует только о глубоком обнищании внутреннего мира всего человечества. За «гаджетами» и многочисленными внешними интересами человек забыл о себе самом. «А ведь король-то голый!» – робко прозвучали в ликующей толпе два русских голоса – бас А. М. Карапетьянца и звонкий голосок Л. И. Головачевой. Но их никто не услышал.

Услышали мы. Сегодняшняя цивилизация уходит и рождается новая. То, что *старое уходит*, сегодня видит и осознаёт каждый разумный человек. Но никто из людей не знает, что принесет с собой в мир это *новое*. И возможно, правильное понимание слов древнего Конфуция позволит человечеству хоть немного приблизиться к этому неведомому новому. Ведь все новое – это только хорошо забытое старое. Все в этом мире «возвращается на круги своя».

Феномен Конфуция

Общеизвестно, что Конфуций – это, образно говоря, «визитная карточка» Китая. Наверное, каждому образованному европейцу известны такие конфуцианские понятия как «любовь к учению», «человеколюбие», «добродетель», «китайские церемонии», «уважение к старшим» или «сыновняя почтительность», «искренность» и т. д. Все это сформировало за ушедшие тысячелетия тот особенный облик Китая, который отличает его от цивилизации Запада, основанной, в первую очередь, на античном наследии и на духе христианства.

Такой «конфуцианский» Конфуций известен всему миру в первую очередь по Лунь юю, а точнее, – по *переводам* этого текста, которые мало чем отличаются друг от друга, потому что являются точной копией того представления, которое начало складываться в самом Китае еще во время империи Хань – на рубеже эр, через сотни лет после жизни Конфуция. Именно тогда, т. е. приблизительно в традиционное время евангельской проповеди Христа, Конфуций был канонизирован и императорский Китай воспринял его Учение уже в качестве государственного. Воспринял именно это Учение, а не учение легистов (законников-*фа*) или даосов, и тем более, не пришедшее позднее из Индии учение Будды.

Все переводы Лунь юя, которые у европейцев носят назва-

ние «Афоризмы Конфуция» (или «Беседы и суждения», или «Аналекты» – что означает, согласно *Словарю иностранных слов*, «собрание отрывков из произведений одного или нескольких авторов»), воспринимаются критическим умом неоднозначно, с каким-то подозрением и даже недоверием. не может быть, чтобы такой человек, который во многом сформировал тысячелетний облик Китая, говорил бы подобные малозначащие вещи. Картина в чем-то подобна той, когда просвещенный Запад, столетиями широко наслышанный о мудрости перса Заратуштры, ознакомился с первыми французскими переводами *Авёсты*.

Вот что пишет один из известных российских переводчиков И. И. Семененко о книге Лунь юй (Конфуций. Лунь юй. Изречения. – М.: Эксмо, 2008, стр. 7, 8):

Она поражает современного читателя своей внешней бессистемностью, какой-то нарочитой неупорядоченностью и фрагментарностью. То, что ее современный текст разбит на главы, названные по первым словам каждой из них, является сугубо формальным приемом, который лишь подчеркивает эту хаотичность. Никак не выделяются начало и конец книги. **Отрывочность предпочитается связанности не только в целом, но и на уровне фрагмента.** *Лунь юй* состоит из небольших диалогов, рассуждений и разрозненных афоризмов; многие высказывания, включающие более одной фразы, по сути, распадаются на обособленные

изречения. Это непрерывное внутреннее дробление, пронизывая как сквозняк всю книгу, расшатывает перегородки между фрагментами и усиливает **общее впечатление хаотичности.**

То есть сегодняшняя Лунь юй – это, фактически, «сквозняк», по меткому выражению И. И. Семененко. А следовательно, следует закрыть ту общечеловеческую «Дверь», о которой заявил Конфуций в процитированном нами ранее изречении, – чтобы этого «сквозняка» не было. Для сравнения скажем читателю, что, например, древний греческий текст канонических *Евангелий* тоже не имеет знаков препинания и разбивки на главы. Буквы идут одной сплошной «лентой», как и столбики «квадратных» иероглифов Лунь юя. А недавно найденное в Египте *Евангелие от Фомы* так же, как и Лунь юй, представляет собой отдельные изречения (*логи*) Иисуса. Но при этом у научной общественности отсутствует впечатление какой-либо «афористичности» этого текста, а следовательно, и его «бессистемности» или «неупорядоченности». Причем, любому объективному исследователю здравая логика подсказывает, что дело здесь вовсе не в «хаотичности» самого текста Лунь юй, а в его элементарном непонимании: у научной общественности не было, и до сих пор нет, того заветного «Золотого ключика», с помощью которого можно было бы «отпереть» этот таинственный древний свиток бамбуковых планок.

Но даже и это еще не все. Если заинтересованный и амби-

циозный читатель вдруг решит прояснить для себя всю эту «переводческую невнятицу» и попытается углубиться в премудрость *вэньяня* – того древнекитайского языка, на котором и дошел до нас этот текст, – он будет в прямом смысле *потрясен* (почти как в *Евангелии от Фомы!*), – будет обескуражен теми переводческими «вольностями», которые допускают все без исключения специалисты с имеющимся в их распоряжении древним текстом. В сегодняшних переводах отсутствует как цельность воспроизведения мировоззрения Конфуция, так и последовательность передачи одних и тех же иероглифов единой терминологией.

И тем не менее, ни у кого из исследователей «феномена Конфуция» не может быть даже малейшего сомнения в том, что когда-то действительно жил (впрочем, как и проповедник, получивший впоследствии евангельское имя «Христос») в Китае реальный человек по фамилии Кун, названный именем Цю за тот особый «бугор» на голове, которым ознаменовалось его рождение; и получивший второе имя Чжун-ни – «*средний с холма*» (в отличие от Бо-ни, его хромого *старшего* брата), – того холма, на котором он был рожден. Логически рассуждая, этот человек не мог быть *сумасшедшим*, а значит, все его Учение было проникнуто какой-то единой логикой, которая должна и сегодня четко проследиваться на протяжении всего текста. Конфуций и сам заявляет, что все его Учение пронизано «единым», – но научный мир не видит этого «единого» в традиционном толковании

текста.

Стержневая подсознательная мысль, которая постоянно присутствует в голове любого исследователя, знакомого со всеми древними религиями человечества, заключается в том, что Учение Конфуция *не может не быть проникнуто тем же самым духовным зарядом*, который обеспечил вечное существование на земле таких Учителей человечества как Христос, Заратуштра, Моисей, Будда, Мухаммад. А иначе «дело Конфуция» уже давно бы кануло в Лету.

Зададим себе вполне уместный в таком случае вопрос: а какая общая черта отличает «биографии» всех этих знаменитых представителей человечества? что в их жизни произошло такого, что резко изменило судьбу каждого из них, и почти *заставило* всех их стать величайшими Учителями человечества? Ответить на этот вопрос не составляет труда. Выражаясь не совсем приемлемым в наше время языком, – это получение ими какого-то особого «духовного опыта», который проявляет себя в виде кратковременного «видения» или какого-то особого внутреннего переживания. Причем, ни то, ни другое *никогда* не находило адекватного (корректного) отображения на вербальном уровне. Поэтому «почеловечески» они так ничего об этом своем опыте и не сказали или *не могли сказать*. И на все это дополнительно наложились неблагоприятные факторы, такие как скудность лексикона разговорного языка, состояние письменности в целом, а также – и это очень важно – отсутствие собственно-

го аналогичного духовного опыта у тех учеников, которые записывали их слова или создавали религиозные тексты (сами ученики чаще всего ничего не понимали). Фактически, и Конфуций, и Иисус, и *Упанишад*ы, и Будда говорили о том, что конкретно обретает человек *после* получения подобного опыта. И все они призывали учеников к осуществлению собственных усилий для получения такого же опыта. Все они, эти Учителя человечества, старались показать Путь к такому опыту, потому что знали, что этот духовный опыт является стандартным и что он достижим для многих. На языках религий конечная цель их Учений получила разные названия: «рай», «спасение», «Царство Небесное», *Дуат*, «освобождение»-*мо́кша*, *нирвана* и др.

В канонических *Евангелиях* мы читаем, что над Христом вдруг «раскрылось Небо» (букв. *разорвалось* или *раскололось* – греч. евангельское *схидзо*) и на Него «сошел Дух Святой» и Он услышал слова «Отца Небесного». И только после этого опыта Он вышел на проповедь о Царстве Небесном, – о том «Царстве Отца», которому посвящена главная молитва Христа: «Отче наш... да приидет Царствие Твое». А до этого – об Иисусе никто не знал и не слышал, о чем свидетельствуют все ранние *Евангелия* (апокрифы – не в счет). Обстоятельства жизни Христа до Его крещения в Иордане и выхода на проповедь, которые мы читаем в первых главах *Евангелия от Луки*, дописаны уже сформировавшейся к этому времени Церковью (на это существуют строгие научные доказа-

тельства в виде на шумевшего в Риме «дела Маркиона»).

А теперь обратимся к зарождению другой великой религии – к зороастризму. Персидский пророк Заратуштра (букв. «староверблюдый») набирал в середине реки чистую воду для жертвенного обряда, и вдруг увидел какого-то *Во́ху Ма́на* («Благой Помысел»), который позвал его на берег и привел к другим шести «Бессмертным Святым» (*Аме́ша Спéнта*). И только после встречи с ними Заратуштра стал проповедовать религию «двух Богов» (дуализм): о том, что есть Дух Добра (*Спéнта Ма́йнью*) и Дух Зла (*А́нхра Ма́йнью*) – «два близнеца» изначального мира, и что *арий* тот, кто выбирает сторону *Аху́ра Ма́зды* («Господь Мудрости»), т. е. Духа Добра. Приписываемые Пророку древнейшие тексты *Авесты* – «Гаты (*Гимны*) Заратуштры» – понятны исследователям только на 50 % от всего объема. Остальное – домысливается.

Буддизм. Индийский принц Сиддхартха Гаутама стал «пробужденным» – буквально, «буддой», – когда сидел, размышляя, под деревом фикуса (*бодхи*), и на него вдруг сошло *откровение свыше*. И только после этого он стал проповедовать свое учение о «спасении из этой жизни», которое через столетие(я) было сформулировано в виде «четырех благородных истин» и «восьмеричного пути».

Иудаизм. Моисей – после того, как по неосторожности убил египтянина (заступился за несправедно претерпевшего еврея) и бежал из Египта, боясь наказания, – «увидел» Бо-

га в «Неопалимой купине» (несгорающем кусте терновника), и Бог разговаривал с ним, и повелел вывести Его народ из Египта. И даже «гугнивость», т. е. какой-то природный дефект речи Моисея, не спасла его от этой ответственной миссии, возложенной на него Богом *Яхве*.

Ислам. К Пророку Мухаммаду, который любил уединяться ночью на горе, явился посланник *Аллаха* – Архангел Гавриил. Он и передал Пророку сутры *Корана* – слово в слово, – последовательно *читая* их перед устрешенным и трепещущим Мухаммадом.

Современный человек отдает себе отчет в том, что если даже и жили на земле все эти великие люди, то с ними, судя по всему, происходило что-то «странное», «нереальное» для всех остальных людей, и поэтому относит подобные описания к категории «благих сказок». Но это не так: все, что описано в этих текстах, это подлинная *духовная* правда. Но для ее адекватного отображения «не хватает языка», и по этой причине эта «правда» выглядит такой куцой и «придуманной». Для того чтобы эту правду понять и принять, человеку надо самому ее «увидеть», – получить подобный «невероятный» опыт.

Но даже не это для нас сейчас главное, потому что никаким словам и «аргументам» – даже самого уважаемого авторитета – мы не поверим до тех пор, пока над нашей собственной головой не «грянет гром». Сейчас для нас несомненно то, что именно эти указанные выше люди пребывают века и

тысячелетия в сознании человечества, и что именно о них все мы помним и знаем, как о величайших представителях *хомо сапиенс*. И в том, что все они – пусть даже и немного «придуманные» – действительно *величайшие*, никто из нас, разумных, не сомневается. Гарантия этому – их тысячелетняя жизнь в сознании всего человечества. Каждое очередное поколение – волна за волной – уходит в небытие, а эти люди по-прежнему продолжают жить в мыслях и сердцах всех поколений. И это не может быть случайностью. Значит, они – какие-то другие.

И если продолжать логически мыслить, полагая, что и Конфуций тоже принадлежит к этой плеяде *величайших*, – значит, и с ним тоже должны были происходить какие-то «ненормальные» по нашим представлениям вещи, после чего он вдруг стал проповедовать свое *Дао* («путь»). А если нет, значит – продолжая аналогию с остальными великими представителями человечества – он никогда бы не смог стать Учителем Китая. Заявлять о том, что традиция Китая такого «ненормального» события в его жизни не поминит, и что в Лунь юе об этом ничего не сказано, – это не аргумент. Ведь всем известны слова Христа: «*Смотрят – и не видят, слушают – и не слышат*». Последнее заявление Христа – «*не слышат*» – это, как говорится, «не в бровь, а в глаз», потому что оно особенно актуально для древнего языка Китая, с наличием в нем многочисленных *омонимов* (иероглифов, разных по рисунку и значению, но **имеющих одинаковое**

произношение). В тексте Лунь юй такое важное событие «прослушивается», причем, очевидно.

И ведь вышеприведенные «обидные» слова Христа о «не видящих» и «не слышащих» сказаны Им вовсе не как обвинение в нашей человеческой глупости: можно быть очень умным и прекрасно образованным, но при этом *не видеть* того, о чем пытается сказать Конфуций. Ведь именно по этой же самой причине умные и грамотные современники Христа, евреи, вполне здраво и искренне заявляли (в соответствии с евангельским текстом, см. Мк. 3:21), что Он «вышел из ума» (греч. *экзэ́стэ*, букв., «вышел из себя»).

И точно также, как даже сегодня многие евангельские слова Христа ни наука, ни богословы объяснить не в состоянии (в чем открыто признаются западные ученые), и видят Его Учение в очень упрощенной форме – сквозь призму «вовремя появившегося» апостола Павла, – точно также и Китай, и весь мир не понимает изначального Учения Конфуция, а рассматривает его слова сквозь призму Мэн-цзы и подобных ему действительно очень умных более поздних «комментаторов».

А вопрос, в общем-то, очень прост. Так сложилась историческая судьба Китая, что через 500 лет после появления прославленной династии Чжоу там родился фактически «второй Вэнь-ван». Ко времени Конфуция в Китае уже существовала относительно развитая цивилизация, и то, что было невозможно во время Вэнь-вана – родоначальника ди-

настии Чжоу, – стало возможным для Конфуция. Уже можно было как-то выразить – и устно, и в письменной форме – то, что произошло когда-то с Вэнь-ваном, а по подобию – и с самим Конфуцием. Конфуций получил то же самое *Вэнь*, благодаря которому чжоуский аристократ Цзи Чан, духовный основатель прославленной династии Чжоу, приобрел свое известное посмертное имя Вэнь (Вэнь-ван или просто Вэнь). О том, что *в нем «то же самое Вэнь»*, что и у Вэнь-вана, заявляет в суждении 9.5 сам Конфуций, но этих его слов уже никто не понимает, а следовательно, – переводят «афоризмами».

Но стоит ли нашему читателю пугаться этого неизвестного и ставшего сразу же «незнакомым» слова *Вэнь*? Ведь теперь уже можно предположить, что это *Вэнь* изначально принадлежало к разряду наименования того «*духовного опыта*», который имели все Великие Учителя человечества. Потому что во время легендарного основателя Чжоу Вэнь-вана никакой речи о *Вэнь* в виде «культуры», «литературы», «письменности» (приведены наиболее известные словарные значения этого иероглифа) быть не могло. Более того, этот иероглиф *Вэнь* уже существовал во время предшествующей Чжоу архаичной династии Шан-Инь, потому что опыт *Вэнь* для человечества универсален.

Древнее предположение китайцев о том, что исходное значение иероглифа *Вэнь* – это «татуировка», «переплетение» (зафиксировано в авторитетном словаре Шо вэнь, I в.

н. э.), – свидетельствует об абсолютном забвении ими той духовной практики, которая составляла смысл и цель существования всей аристократической прослойки общества в период существования Раннего Чжоу. Древний Китай – это не Африка, где первобытные племена весь год ходят в одной набедренной повязке и с перьями в голове: древнейшая китайская «Книга песен» (Ши цзин) свидетельствует о том, что зимы в Китае были суровыми и с обильными снегами. Китайцы одевались так же тепло, как и европейцы, и даже летом не любили обнажаться, а следовательно, ни о какой «татуировке на груди» речи быть не могло. Это – элементарная логика рассуждений.

Иероглиф *Вэнь* перешел к Чжоу от предшествующей династии Шан-Инь с небольшими непринципиальными изменениями, обусловленными тем, что в Раннем Чжоу для конкретизации этого опыта появился специальный иероглиф *синь* («сердце»), которого у предшественников не было. Именно этот иероглиф *синь* и был «вставлен» в прежний рисунок *Вэнь* на место бывшего там «крестика» (или «галочки»), который рисовался ранее на «груди» изображаемого этим иероглифом человека. Но если вести речь о протогосударстве Шан-Инь, то во время его существования тем более нелогично рассуждать о какой-то «культуре», «письменности» или «искусствах», которым впоследствии стал, якобы, учить своих учеников Конфуций.

В своей книге «Символы рабства в древнем Китае» («На-

ука», М.: 1982, стр. 43, 45) А. А. Серкина пишет:

Некоторые авторы полагают, что в конце II начале I тысячелетия до н. э. в Китае письмо имело более широкое применение, чем **только в области первобытной магии и верований**. Так, К. В. Васильев не соглашается с выводом своих предшественников о том, что **в период Шан-Инь и Чжоу письменность не могла получить широкого распространения. Между тем этот вывод основан на археологических данных**, согласно которым письменные памятники во II тысячелетии до н. э. представляли собой гадательные надписи, обнаруженные на костях животных и панцирях черепах, а также надписи на жертвенных бронзовых сосудах. Для периода Чжоу письменные памятники – это записи на жертвенных бронзовых сосудах, надписи на каменных гонгах и записи на бамбуковых планках. <...> **Изложенное свидетельствует, по нашему мнению, о том, что для обоснования точки зрения о более широком применении письма в Китае в конце II тысячелетия до н. э. решающих аргументов не найдено.**

Так чему же, все-таки, учил Конфуций, и что это за загадочное *Вэнь*, если не «искусство» в виде таких дисциплин, как знание грамоты, стрельба из лука, математика, управление колесницей и этикет-*Ли*? И почему это удивительное *Вэнь* впоследствии стало ассоциироваться с какой-то очень уважаемой «образованностью», «культурой» и видами «ис-

кусства»? Но ведь и про Христа тоже говорили: «Откуда у Него все это, если Он нигде не учился?». То есть, откуда у Него вся эта «образованность» и «премудрость», которые позволяли Ему на равных беседовать с грамотными фарисеями и книжниками. Этот эпизод из *Евангелия от Луки* со «старцами» в Храме и двенадцатилетним мальчиком Иисусом носит более поздний вставной характер, но он, тем не менее – за исключением раннего возраста Христа – отражает подлинное положение дел, т. к. Христос не был исключен из числа получивших такой опыт.

Человек, который проходит через подобный духовный опыт, *всегда* начинает казаться в глазах окружающих людей «грамотным», «мудрым», «образованным», «культурным», «знающим», «правдивым». С одной стороны этот человек приобретает нечто такое, что принципиально изменяет видение им всего мира: мир становится более объемным, беспредельным и осмысленным. А с другой – он начинает гораздо острее осознавать те внутренние моральные ограничения, которые не позволяют ему переходить определенные границы в своем поведении.

Именно отсюда – произошедшее со временем изменение содержания древнего иероглифа *Вэнь*: вместо первоначального, который означал (а фактически давал наглядный рисунок, о чем мы будем говорить подробно) человека, получившего «опыт сердца», – к последующему и уже традиционному его пониманию в виде «культуры», «образованности»,

«письменности».

Но что это за диковинность такая – «опыт сердца»? И не является ли это неким «рекламным трюком» автора для привлечения внимания читателя к новому «переводу» текста Лунь юй? Отнюдь. С этим *явлением* человечество неоднократно сталкивалось (продолжает сталкиваться и будет сталкиваться) на протяжении всего своего существования, хотя в разных цивилизациях – что выглядит вполне естественным для разных языков – название этого феномена звучало по-разному. И только по этой причине данное явление до сегодняшнего дня остается в тени и не имеющим своего общечеловеческого названия.

В Древней Греции, например, знаменитый философ Сократ, выведенный в диалогах Платона, проповедовал это, используя известное эллинское изречение – «Познай самого себя». Именно этот девиз был выбит на одной из колонн или на фронтоне знаменитого Дельфийского Храма Аполлона. И действительно, «познать самого себя» человек может только углубившись в свое *сердце*.

А в Древнем Египте существовало устойчивое выражение – *ав иб*, которое в буквальном переводе означает «расширение сердца», и ассоциировалось это с какой-то особенной радостью, сопровождающей такое «расширение». Наверное, отсюда, из опыта Египта, его заимствовал псалмопевец Давид, когда он пел в своем Псалме (118:32): «Потеку путем заповедей Твоих, когда Ты *расширишь сердце мое*». В исход-

ном еврейском языке это слово *раха́в* (корень РНВ) – «расширять», «открывать» (здесь же, но при другой огласовке, – «широта», «простор»). Это еврейское слово из Псалма переведено в греческой *Септуагинте* как *плати́оно* – «делать широким», «расширять». Здесь можно упомянуть, что прозвище знаменитого философа Греции Аристóкла – *Платон* происходит именно от этого греческого слова, что в свою очередь может означать ни что иное, как получение им подобного опыта *расширения сердца*. А иначе, он вряд ли бы стал таким знаменитым.

Справедливости ради следует отметить, что этот духовный опыт «расширения» или «просветления» сердца для самого человека настолько ярок и конкретен, что ему вовсе не обязательно знать о каком-то Египте: такой человек будет описывать свое состояние именно этими словами нашего человеческого языка. Так что вероятно и то, что ни Давид, ни *Платон* ничего не «копировали» у египтян, а говорили о том, что пережили сами.

Но и в коптском *Евангелии от Фомы* (текст из Библиотеки Наг-Хаммади, перевод с первоначального древнегреческого) Иисус, обращаясь к апостолам, заявляет о том, что они должны «познать самих себя», и только в этом случае они «будут познаны». И здесь – налицо традиция античного мира. Раннехристианский писатель Клемент Александрийский в своей книге «Стрóматы» приводит слова самого знаменитого гностика древности Валентина. Вот они: «Имеющий священное

сердце, которое сияет светом, удостоен благодати видения Бога» (Сочинения гностиков в Берлинском коптском паирусе 8502. А. С. Четверухин, СПб.: Алетейя, 2004, стр. 26).

А как же наш Китай? В Китае – но ведь иначе и быть не могло! – существовало полное подобие такого опыта. О знаменитом Вэнь-ване древние тексты свидетельствуют, что он «просветлил свое сердце» (*мин синь*, иначе, «сделал светящимся», как у гностика Валентина), и что именно он впервые в истории Китая – а вся История у чжоусцев начиналась с этого Вэнь-вана – получил «совершенное Дэ». «Просветление сердца» или «свечение сердца» – *мин синь* – это устойчивый термин эпиграфики Раннего Чжоу. Это и есть тот же самый опыт «расширения сердца», который сопровождается получением «обильной благодати (Дэ)», а с ней – «неизреченной радости» и «возгарания сердца». Иероглифы, которые передают понятие «расширять» (*бо* и *хун*), неоднократно встречаются в Лунь юе, – в контексте с такими терминами, как *Вэнь*, *Дэ*, «знание» и «кругозор».

И именно отсюда – как результат такого опыта – то особое свечение лица и та светоносная аура человека, которая описана во многих древних текстах. Светились Моисей, сходящий с горы Хорив, Вэнь-ван (как отмечено в древних источниках), «просиял» Христос на горе Фавор, светились ярким светом греческая богиня Деметра (перед царицей Метанирой, см. Гомеровский гимн *К Деметре*), светился Бог Кришна в индийской Бхагавад Гите. Но и русский старец Сера-

фим Саровский тоже просиял перед помещиком Мотовиловым, «как Солнце», – так, что тот даже не мог смотреть ему в лицо – «глаза ломило». Именно по этой причине на многих изображениях святых, и в том числе на всех иконах Христа, мы видим особый световой нимб. Все эти люди имели (пусть они и не классифицировали это так, как сейчас делаем мы) китайский «опыт *Вэнь*».

И когда Конфуций получил подобный опыт «просветления сердца», он, что вполне естественно, идентифицировал его с опытом Вэнь-вана и с тем древним иероглифом *Вэнь*, который и представляет собой наглядный рисунок такого «человека с сердцем». Во время Конфуция этот иероглиф все еще записывался так же, как и в Раннем Чжоу, – в виде человека с «сердцем» на его широкой груди. Но уже, например, в прославленном словаре I в. н. э. Шо вэнь этого «сердца» на рисунке человека нет. Почему? Потому что китайцы к этому времени полностью утратили знание этой древней духовной практики Чжоу. И отсюда же – надуманное предположение о какой-то древней мифической «татуировке на груди». Ко времени создания этого словаря иероглиф *Вэнь* приобрел уже совершенно другое значение и «сердце» в нем оказалось «лишним».

Но что Конфуцию до того, что этот иероглиф уже в его время начали воспринимать совершенно иначе, чем в Раннем Чжоу? Поэтому он и мечтает об «исправлении имен», т. е. о том времени, когда можно будет вернуть всем *духов-*

ным древним иероглифам (кроме *Жэнь*, смысл которого к этому времени не изменился) их прежние подлинные значения.

Конечно – и это бесспорно – Конфуций был идеалистом, когда надеялся, что его ученики приобретут такой же опыт *Вэнь* (к сожалению, сам человек в этом не всегда властен) и станут *Цзюнь цзы* (традиционный перевод этого конфуцианского выражения – «благородный муж»), сумев повлиять, таким образом, на судьбу Поднебесной и вернуть ее к золотым временам Раннего Чжоу. Но это нисколько не умаляет значение самого опыта или возможности его получения и объяснения. Точно так же, как не снижает духовной высоты Конфуция в качестве всемирного Учителя, возродившего древнюю практику Чжоу и давшего последовательное ее описание.

А теперь – о нашем современном читателе. О том, сто́ит ли ему после такого предварительного разговора вообще знакомиться с новым пониманием Лунь юя? Какой смысл все это читать, если сам он «Сократом» никогда не станет? Почему же? Во-первых, читать об этом всегда интересно, даже исходя из общечеловеческого чувства любопытства: кто из умных людей упустит возможность узнать что-то важное в той области, которая ему совершенно неведома, но при этом очень близка по природе?

Но возможно, и с самим читателем уже происходило в прошлом что-то подобное, и прочитав эту книгу он сможет

пряснуть для себя непонятное в его жизни событие. Например, если бы наш старец Силуан Афонский во время своего пребывания на Афоне знал все то, что здесь написано, он не стал бы задавать бесполезные вопросы мудрым афонским монахам, которые так и не смогли ответить ему, что же с ним в действительности произошло, когда над ним неожиданно «раскрылось Небо», и он «видел Моисея».

И, во-вторых, никому из *праведных* не стоит преждевременно «ставить на себе крест». История человечества показывает, что опыт «просветления сердца», опыт *Вэнь*, возможен для получения мужчиной и женщиной (в случае женщины недавние яркие примеры – наша Елена Рерих или духовная спутница Ауробиндо, «Мать»), причем, возможен для получения в любом возрасте, – потому что так называемый религиозный «Рай» открыт для обоих полов – для каждого из нас «по отдельности». А сам этот «опыт сердца» как раз и маркирует собой достижение человеком посмертного «райского» состояния. Все религии, которые когда-либо существовали на земле, являлись земным отражением получения человеком такого «опыта рая».

Любой *духовный* опыт несет в себе особое знание. И человек, получивший опыт *Вэнь*, уже точно *знает*, что после смерти он окажется в «райских обителях». Это и есть *Элизий* или «Блаженные места» эллинов, они же – загробные «Поля тростника» египтян или «Мир двойников» (*Мишунья-кушита*) мандеев, или мир «Духов верха» китайцев и т. д. Все

это – одно и то же.

Более того, показанная только что повторяемость получения подобного опыта в разных цивилизациях свидетельствует об устойчивой закономерности в его получении. То есть каждый человек земли когда-нибудь – пусть и не в «этой» своей жизни (смеяться будем после прочтения всей книги!) – должен будет через подобный опыт пройти. О повторном рождении учили не только древние египтяне, эллины-пифагорейцы и индийцы, но и евангельский Христос, что подтверждается коптским текстом *Евангелия от Фомы*, но также и синоптическими греческими *Евангелиями*. А иначе Христа следовало бы обвинить в геноциде всего человечества, кроме «избранных» Им апостолов. Каждый из нас должен будет через этот опыт пройти, потому что именно он составляет подлинную *эволюцию* внутреннего ядра человеческого существа, а не изобретение человеком компьютера или открытие ядерного синтеза. Этот опыт и есть то «сито», через которое неведомый нам *высший мир* «просеивает» все человечество, отбирая для дальнейшего бытия только подходящее.

В своем обычном состоянии человек – даже сегодня! – представляет собой не вершину мироздания, а не более чем развитое «общественное животное» (*по́лисное* животное, как это называл Аристотель; это же подтверждает великий философ Индии Шанкара). Человек – это действительно *животное*, и только получение им опыта *Вэнь* дает ему

право именоваться высоким словом *человек*.

Опыт *Вэнь* не является чем-то высшим в духовной эволюции человека. Выше стоит евангельский опыт «Царства Небесного» (мы это читателю обстоятельно покажем), а еще выше – состояние «*ниргуна-Брахман*» классических *Упанишад* Индии (обо всем этом у нас будет время поговорить по порядку, но позже). Но и получить «опыт Царства» или «*ниргуна-Брахмана*» минуя «райский» опыт *Вэнь*, невозможно. Это – последовательные ступени единой лестницы.

Из всех древних текстов, которые описывают духовное развитие человека, наиболее понятен, подробен и доступен для размышления и подражания – текст Лунь юй, который передает Учение Конфуция. Этот текст должен снова засиять своими древними гранями, потому что на земле завершается эпоха доминирования «развитого животного» и все более и более заявляет о себе эпоха *человека*. А это и есть – человек-*Вэнь*. А кто он будет? – Китаец? Русский? Индус? Или еврей? А может быть, кто-то еще, – это не важно: *Вэнь* примиряет между собой все народы и национальности, и устанавливает справедливое общество без размежевания на всякие «религии» или социальные группы. *Вэнь* – без коммунистов, олигархов, демократов, ЛГБТ (отметим, что для гомосексуалиста опыт *Вэнь* так же доступен, как и для представителя традиционной ориентации), «социализма» или какого-то иного «либерал-изма». Подлинная правда и справедливость на земле может существовать только на базе *Вэнь* –

внутреннего закона человеческого *сердца*. Какого-либо другого продуктивного пути развития у человечества не существует. Альтернатива – полное уничтожение земной цивилизации.

Чжэн мин «исправление имен»

Иероглиф *чжэн* переводится как «прямой», «прямо», «правильный», «справедливый», «исправлять», «приводить в порядок». Перевод иероглифа *мин* – это «имя», «название», но также и «слово». Во время Конфуция каждый иероглиф соответствовал, как правило, отдельному слову европейского языка, поэтому *мин* означало также «иероглиф». Традиционное понимание высказывания Конфуция о необходимости «исправления имен», которое присутствует в суждении 13.3, дано в энциклопедическом словаре «Китайская философия» («Мысль», М., 1994, стр. 478):

Суть *чжэн мин* – необходимое для понимания административного управления требование адекватности реального номинальному. У Конфуция идея *чжэн мин* подразумевала необходимость соответствия действительного положения и поведения индивидуума его этико-ритуальному статусу в интересах упорядочения общества: «Правитель [должен быть] правителем, сановник – сановником, отец – отцом, сын – сыном»; «Когда имена (*мин*) неправильны, суждения (*янь*, «разговоры» – Г. Б.) несоответственны, дела не исполняются».

В статье «"Исправление имен" – о чем не говорил Кон-

фуций» отечественный китаевед Г. А. Ткаченко разъясняет, что «**на обыденном языке [это] называется единством слова и дела**» (Древние культуры Восточной и Южной Азии / Под ред. В. В. Иванова. – М.:Изд-во Моск. унта, 1999, стр. 93). Но при этом любому разумному человеку очевидно, что такое общепринятое понимание термина *чжэн мин* не соответствует элементарной логике, а значит, не является правильным. Мы сейчас это объясним. С другой стороны, Ткаченко очень точно подметил дух правильного понимания этих слов Конфуция: «Эх, если бы [можно было] подправить [все эти] имена!» (там же, стр. 97). То есть, – «подправить *иероглифы*», а еще точнее, – *их значения*.

Для иллюстрации термина *чжэн мин* часто приводится, причем совершенно справедливо, высказывание Конфуция из суждения 12.11, где он заявляет, что «правитель должен быть правителем, подданный – подданным, отец – отцом, а сын – сыном». Здесь правильнее было бы дать буквальный перевод: «Правитель – [это] правитель, подданный – [это] подданный, отец – [это] отец, сын – [это] сын», т. е. в исходном тексте мы видим простое дублирование одного и того же иероглифа (аналога нашему знаку «тире» в китайском тексте не существовало). Но и эти слова Конфуция тоже понимаются неверно.

Итак, что же в действительности имеет в виду Конфуций? Для него самого очевидно (он надеется, что это понятно также и слушателям), что в приведенном выше примере

иероглиф «правитель» обозначает реального правителя государства, а значит, этому правителю соответствует. Какого-то другого понимания *иероглифа* «правитель» в китайском обществе, современном Конфуцию, не существует. Например, использовать этот *иероглиф* по отношению к *вознице*, который тоже *управляет*, но уже лошадьми, нельзя, и такое приращение этого иероглифа не соответствовало бы его установленному пониманию. При этом всем было ясно также и то, что реальный правитель государства, который обозначался этим *иероглифом*, на деле мог быть как хорошим правителем, так и плохим. В жизни – именно так. Однако сама система соответствия – *правитель* (иероглиф) – *правитель* государства (какой-то конкретный человек) – от личных качеств не зависит.

То же самое можно сказать и об *иероглифе* «отец»: он означал в древности – и продолжал означать во время жизни Конфуция – отца какого-то ребенка, не зависимо ни от каких обстоятельств. А *иероглиф* «сын» – всегда соответствовал и продолжал соответствовать реальному сыну какого-то мужчины или какой-то женщины. Приводя эти простейшие примеры-сравнения Конфуций как бы наглядно демонстрировал собеседнику те *старые* (!) *иероглифы-имена* (*мин*), которые всегда понимались в обществе одинаково, – как в древние времена Чжоу, которым Конфуций подражал, так и при жизни его поколения. Любой из приведенных им в пример иероглифов **соответствовал своему древнему зна-**

чению не только по графике, но и **по смыслу**.

И Конфуций хотел бы («Эх, если бы можно было...»), чтобы и все те имена-иероглифы, которыми он был вынужден оперировать в своем Учении в силу необходимости – ведь они тоже древние и тоже пришли из времени Раннего Чжоу (и современных аналогов или смысловых заменителей для них не существует) – чтобы они тоже соответствовали бы своему подлинному древнему содержанию. Речь здесь идет, в первую очередь, об иероглифах *Дэ*, *Вэнь*, *Сяо* и *Ли*. Но как это очевидно для самого Конфуция, такого их понимания, к сожалению, уже нет, потому что все те базовые духовные категории (иероглифы), которые возникли в письменности во время династии Чжоу и даже раньше, – уже давно используются в языке для обозначения совершенно других понятий.

Любой логически мыслящий человек сразу же увидит противоречие между традиционным объяснением фразы *чжэн мин* и тем, что заявляет сам Конфуций. Конфуций призывает к тому, чтобы «**привести в соответствие сами имена** (иероглифы)», а комментаторы понимают это так, что следует **привести в соответствие поступки** всех тех, кто этими именами обозначается. Если сам Конфуций ратует, образно говоря, за «реформу алфавита» – за приведение его к старым нормам, – то все комментаторы понимают это как требование каких-то этических преобразований людей, обозначенных этим «алфавитом».

Никто не возражает против того, что все Учение Конфу-

ция – точно так же, как и Христа, и Будды, и Сократа – направлено на внутреннее «выпрямление» (*чжэн*) человека. Но в данном случае Конфуций ведет речь совсем о другом: для того, чтобы его правильно понимали современники – правильно понимали его слова о внутреннем «выпрямлении» человека – необходимо, чтобы обучающий и слушающий говорили «на одном языке», т. е. чтобы оба участника беседы под одним и тем же словом-иероглифом понимали одно и то же содержание. А то, что такого понимания нет даже между Конфуцием и его учениками, мы видим из бесконечных вопросов учеников о том, что такое *Жэнь*, кто такой *Цзюнь цзы*, или их разговоров о *Сяо*, *Дэ*, *Вэнь*. А ведь все это – «старые имена» (исключение в этом списке единственное: древнему выражению *цзюнь цзы* Конфуций придал новую окраску).

Это свидетельствует о том, что по отношению к большинству древних иероглифов, пришедших в эпоху Конфуция из времени Раннего Чжоу, в обществе уже не было представления о том, как эти иероглифы воспринимались зрительно в прежние времена (т. е. что конкретно *видел* их древний предок в «картинке» того или иного иероглифа), и что эти иероглифы обозначали (какой *смысл* содержала «картинка», правильно распознанная древним китайцем). И нашему читателю уже должно быть ясно, почему это произошло. К концу эпохи Чунь цю («Весны и осени»), в которую и жил Конфуций, значения всех духовных иероглифов Чжоу секуляризи-

ровалось и трансформировалось в бытовые характеристики. Но при этом иероглиф «отец» по-прежнему означал *отца*, а «сын» – *сына* и т. д.

Конфуций же проповедовал тот духовный Путь (*Дао*), который был стержнем всей жизни и политики Раннего Чжоу. Он к этой практике Чжоу постоянно обращается, ссылаясь на нее как на высочайший авторитет. Но когда он, основываясь на этом авторитете, говорит о *Вэнь* – том иероглифе, который изображает фигуру человека с большой грудной клеткой и нарисованным на этой груди *сердцем* – его понимают так, что он ведет речь о некой «культуре» человека (правильном ритуальном поведении) или о его «образованности», в том числе грамотности в иероглифической письменности.

И пусть читатель попробует хоть на минуту войти в его положение: что Конфуцию в этом случае оставалось делать? Общепринятое мнение таково, что *вэнь* – это «письменность» («литература») или какие-то там «искусства», а *сяо* – «почитание живых родителей»; и если Конфуций начнет открыто убеждать всех, что раньше это было не так, его просто сочтут *сумасшедшим*. Потому что Китай к этому времени – даже в лице своей аристократической верхушки – **полностью забыл** духовный опыт Чжоу. Конфуций оказался тем «последним из могикан», кто этот опыт реально унаследовал, а для всех остальных (кроме чиновника из «похоронного бюро», выведенного в одном из суждений Лунь юя, о чем мы будем говорить отдельно) – это стало уже какими-то

«небылицами», как и для нашего сегодняшнего «просвещенного» (*вэнь*) человечества.

И опять-таки, если бы Конфуций стал выдумывать какие-то *новые* иероглифы для обозначения старых понятий Чжоу, – его бы тоже никто не понял, и тоже сочли бы *сумасшедшим*. К этому времени в Китае уже почиталось и ценилось – пусть формально и пусть неправильно понятое – все только древнее, но *не новое*.

Всё нововведение Конфуция по сравнению с древним Учением Чжоу было связано только с тем, что вместо высших аристократов, окружающих Сына Неба – наследного правителя Чжоу, – практика достижения опыта *Вэнь* была адресована самому нижнему аристократическому сословию Китая, к сословию *ши*, к «книжникам», к которому принадлежал и сам Конфуций. И по этой причине требовались дополнительные усилия от самого ученика для возмещения всего того, что ранее восполнялось регулярной ритуальной практикой царского двора (с Сыном Неба во главе) и поддерживалось выработанными этой древней практикой специальными узаконенными духовными ритуалами, например, сложившимся в Китае институтом дарения набора традиционных вещей (от *вана* – подчиненному), или «передачей *Дэ*» (от *вана* – его ближайшим аристократам) во время специальных пиришеств.

И здесь интересно сравнить условия проповеди двух Учителей духовного пути: Конфуция и Христа. Но предвари-

тельно мы должны сказать следующее. Необходимо уже сейчас предупредить нашего читателя, чтобы он внутренне успокоился и не волновался бы из-за того, что автор – «Вот опять!» – отвлекается от Конфуция и Лунь юя и тратит много времени на те вопросы, которые читателю, возможно, не интересны, в первую очередь касающиеся *Евангелия* и Учения Христа. В оправдание скажем следующее. Наши пространные «отвлечения от темы» – это не аналог рекламы в телевизионной передаче, когда появляется время для того, чтобы выпить чашечку кофе.

Мы намерены говорить – много говорить! – о евангельском Учении Христа в том числе. И все это только для того, чтобы наш читатель смог увидеть и прояснить для себя всю цепочку *духовной трансформации человека* в ее развитии, потому что Учение Конфуция является только первым законным ее звеном. А последние звенья Учения Конфуция тесно переплетаются с евангельским Учением Христа. Но упоминать голословно об Учении Христа – а все то, что мы собираемся сообщить читателю, в корне расходится с положениями христианского богословия – было бы по меньшей мере неуважительным по отношению к традиционной Церкви. Итак, пусть наш читатель наберется немного терпения именно сейчас, когда мы собираемся дать ему «первый урок», т. е. ввести в курс дела. В дальнейшем наши отвлечения не будут такими пространными.

Мы не поднимаем пока вопрос о том, в какой степени

евангельский текст является реальным отражением жизни того человека, который назван Иисусом. Более того, мы полностью согласны с теми исследователями, которые заявляют, что в повествование канонических *Евангелий* искусственно вплетено – пусть и в «зашифрованном» виде – представление древних народов о Солнце, его «рождении», «воскресении» и о двенадцати знаках Зодиака. А также многое из того, что уходит своими корнями в глубинные знания древних египтян, с их почитанием Бога Осириса, который *первый из всех Богов* «воскрес из мертвых» и тем самым проложил путь к бессмертию всем остальным жителям долины Нила. Правильное представление о евангельском тексте читатель получит в процессе чтения нашей книги.

Главное в канонических *Евангелиях* то, что в литературное (то есть *вымышленное*) повествование о еврейском Мессии – а именно отсюда и все эти «астрономические намеки», включая рождение героя от Девы (но это также известное зороастрийское пророчество о рождении Спасителя мира, *Сайоша́нта*, от Девственницы) и появление Вифлеемской звезды с «тремя магами» (обо всех этих астрономических соответствиях в свое время подробно писал энциклопедист «революционер» Николай Александрович Морозов в своем семитомнике «Христос», опубликованном в 1924–1932 г.г.) – главное то, что в художественное повествование о еврейском Мессии искусно вплетено новое духовное Учение, которое проповедовал совершенно другой исто-

рический персонаж. В евангельском тексте приведено Учение некогда реально существовавшего на земле проповедника – Учение о «спасении» человека из того онтологически несправедливого земного мира, в котором каждый из нас оказывается в силу своего физического рождения. Все евреи, которые окружали евангельского «Христа», воспринимали законы нашего земного мира как «свои», и ничего другого не желали, кроме освобождения из-под власти Рима. И все-таки именно сейчас попробуем что-то сказать читателю, пусть пока только предварительно и коротко, об этом *новом* Учении Иисуса.

Новизна Учения заключалась, в первую очередь, в том, что в нем впервые в истории всех религий и философий постулировался вид «абсолютного спасения» из нашего мира: совместное спасение мужа и жены, как единого «человека», прототипом которого являлся Адам Шестоднева. Причем, евангельский «Христос» проповедовал этот путь, исходя из собственного жизненного опыта. Мы можем принимать Его проповедь или возражать против такого понимания, но от этого смысл евангельского текста не меняется.

Исходя из евангельской проповеди этого *человека*, существует как бы два «разных» возможных спасения. Первое – это иудейское спасение «по Моисею» (добавим, – оно же «по Конфуцию»). Это такое спасение, когда человек в награду получает то, что в будущем стало называться словом «рай». Религиозное понятие «рай» берет свое начало в древнеиран-

ском языке зороастрийцев, где оно первоначально означало «отовсюду огороженное место». В еврейской Книге Бытие это, фактически, «сад», который Бог *Яхве* устроил для первых людей земли – Адама и Евы. Это и есть так называемый *первый* вид спасения – возвращение в «рай». Но через какой-то период времени душа такого «спасшегося» опять возвращается в плен земного рождения. *Второе* спасение – это евангельское «спасение по *Элохиму*», или «по Иисусу», как «Сыну Бога». Фактически, жизненно, конечный результат такого спасения зафиксирован в классических *Упанишадах* Индии в виде «становления *Брахманом*». Но в отличие от *Евангелий*, путь к такому спасению в индийских текстах не прописан, потому что древние получатели этого духовного опыта и создатели *Упанишад* этот Путь не осознавали как системный.

И уже отсюда – принципиальная разница в отношении к женщине в Лунь юе и в *Евангелиях*: если в Лунь юе женщина практически отсутствует, то в евангельском тексте ей отведено очень важное место. Историческая Церковь всего этого не понимала – она уравнивала «Бога Христа» с еврейским «Богом *Яхве*», – и по этой причине в христианстве главенствующее место со временем заняло монашество, которое женщину в качестве жены отвергает. Однако исходя из подлинного евангельского Учения Христа монашеская жизнь поднять человека выше уровня «рая» не в состоянии. И более того, если человек нарушил евангельскую заповедь «не пре-

любый сотвори», он тоже подняться выше уровня «рая» уже не сможет, даже будучи женатым. Так логически вытекает из проповеди того безымянного Учителя, который в евангельском тексте назван Иисусом.

Итак, пусть наш читатель не удивляется тому, что мы поставили *Бога Христа* рядом с *человеком* Конфуцием. Причем, речь в данном случае вовсе не идет о том, что Христос, по *Евангелию*, был человеком, а потом воскрес и стал «Богом». Для духовно зрелого человека Иисус – это такой же когда-то живший на земле человек, как и Конфуций или как мы с вами. В том, что такой проповедник реально существовал, – в этом не может быть никакого сомнения исходя из абсолютной новизны Его Учения (мы это читателю покажем). Такое *жизненное* Учение кто-то мог предложить только исходя из своего личного земного опыта. Хотя следует еще раз повторить, что проповедь этого человека о «Царстве Небесном» была искусственно вплетена в некое подобие «художественного вымысла» канонических *Евангелий*.

Словом «Бог» (греч. *тхэос*) не называл себя ни сам Христос (а кроме канонического евангельского греческого текста и коптского *Евангелия от Фомы* – перевод с утраченного древнегреческого подлинника – других достоверных источников о Его проповеди не существует), не называл Его так и апостол Павел, который считал себя правоверным иудеем. В греческом языке слово *тхэос* («бог») и слово *кю́риос* – («господин»; более позднее церковное «Господь») – это совер-

шенно разные понятия. Если первое слово имело отношение исключительно к сфере небожителей, то второе использовалось по отношению к хозяину, к земному человеку. Например, «госпожа» – это, по аналогии с «господином», греческое *κυρία*. Назвать «Богом» кого-либо еще, кроме Бога *Яхве*, было для любого иудея кощунством, которое карается по Закону-*Торе* побиванием камнями. Апостол Павел был «иудей из иудеев», поэтому назвать Христа «Богом» он не мог и никогда не называл. И все же именно апостол Павел фактически превратил Иисуса в грозного Бога всей последующей христианской Церкви. В своих Посланиях Павел называет Христа словом «Господин» (*κύριος*), но в христианской Церкви это слово впоследствии уравнилось со словом «Бог» и составило с ним единую пару: «Господь Бог», *κύριος θεός*.

В своих Посланиях Павел показал Христа в виде какого-то запредельного и неведомого всему миру Существа, – небесного Сверхчеловека. Его Христос – это иудейский Мессия (в переводе на греческий – *Χριστός*, «помазанный», т. к. апостол Павел проповедовал на общепринятом греческом языке), который после распятия вознесся на Небеса, и который вот-вот грядет в мир «с облаков» со своим грозным Вторым Пришествием. Само представление о таком «мерцающем» полу-Боге, которого невозможно «ухватить за руку», было новым для народов всего средиземноморского бассейна, включая самих иудеев.

Но и это еще не все. Павел в одном из своих Посланий фактически отрекается от того земного *человека* Иисуса, который затем «превратился» в Христа. Для Павла существовал только тот воскресший еврейский Мессия, который «во время оно» был распят римлянами и который вот-вот придет на землю с *«легионом ангелов»* вершить свой праведный суд над всеми народами мира. Земная жизнь Христа до Его крестной смерти апостола не интересовала.

Последнее обстоятельство – полное отсутствие интереса Павла к земному Иисусу – можно объяснить иначе. Послания Павла впервые были обнародованы неким судовладельцем Маркионом, прибывшим в Рим из портового города на Черном море. То есть они впервые были введены в оборот и стали известны Церкви только через сто лет после распятия Христа, хотя в них описываются события, происшедшие непосредственно после казни еврейского Мессии. До появления Маркиона об этих текстах и о самом «Павле» в Риме *никто ничего не знал*. И это не может не вызвать множество вопросов. Если предположить, что все эти Послания в действительности являются «подложными» (или подавляющая часть из них), т. е. что они были написаны именно в это время (около 150 г. н. э., а не сразу после казни Христа) каким-то неизвестным христианским автором, возможно самим Маркионом, а значит «Павел» – это личность вымышленная, в таком случае отсутствие в них какого-либо описания внешности земного Иисуса представляется впол-

не естественным. Ведь Павел выдает себя за современника Христа, а значит, он должен был что-то о Нем знать. Но анонимный автор II в. н. э. уже не мог знать *ничего*, и только по этой причине он от земного Христа якобы «отрекается». Иначе, к этим «Посланиям», появившимся через 100 лет после евангельских событий, обязательно возникли бы вопросы. То есть вполне вероятно, что это «отречение» – обычный литературный прием. Следует напомнить читателю, что и в евангельском тексте отсутствует какая-либо (даже самая общая) информация о внешности «главного героя». И скорее всего, объясняется это тем, что конкретные авторы-создатели *Евангелий* тоже не были знакомы лично ни с описываемым ими Мессией, ни с проповедником Благой Вести.

Но пусть наш читатель не пугается и не «ломает своих рук» в отчаянии. Для древнего мира подобное положение вещей было нормой – приписывать собственный вдохновенный религиозный труд какому-то персонажу прошлого, в данном случае Павлу из «Деяний апостолов» или ученикам-апостолам, сопровождавшим Христа во время Его проповеди, если говорить о евангельском тексте. С этим явлением мы встретимся и в китайской истории при анализе бесед Лунь юя, которые, по традиции, приписываются Конфуцию и его ученикам. Более того, если предположить, что анонимный автор имел характер выведенного им в Посланиях «Павла», а следовательно – и его «неистовую» веру и стремление проповедовать о «евангельском Боге», в таком случае

в этом подлоге, по представлениям древних, не было ничего предосудительного.

Интересно во всей этой истории и то, что именно в это время в Церкви возникла необходимость в легализации появившегося монашеского движения, которое стало оттеснять первоначальную мирскую евангельскую жизнь на второй план. В тексте канонических *Евангелий* нет ни одного эпизода, который можно было бы – хоть как-то! – расценить в качестве оправдания монашества. Известные евангельские слова Христа о «скопцах» – это вовсе не о «монахах», а об абсолютном *запрете на прелюбодеяние*, если речь идет о стремлении человека к достижению Царства Небесного. Этими словами Христос, фактически, в притчевой форме объясняет свое собственное «вдовство», которое не имело оправдания в глазах Его учеников, выходцев из иудаизма. Подобное «обвинение» учеников в Его адрес было вызвано тем, что не монашеская, а именно супружеская жизнь – в еврейском, мандейском и греческом мирах – санкционировалась религиозными требованиями: и греки, и иудеи, и мандеи резко осуждали «монашеский» образ жизни.

То есть ко времени появления Посланий Павла в Церкви возникла необходимость в наличии авторитетного древнего текста, возвеличивающего монашество. Маркион появился очень во-время: именно он принес «монашеские» Послания Павла, и именно он создал первый в истории христианства Канон Нового Завета, состоящий из двух частей: *Евангелие*

(от Луки) и *Апостол* (включал Книгу «Деяний» и обретенные «Павловы Послания»). То есть уже в первом церковном Каноне Нового Завета монашеству была отдана «пальма первенства».

Все это, вместе взятое, утвердило веру Церкви в то, что Христос – это Бог. А подобное, само по себе, является, конечно же, настоящим «язычеством». От открытых обвинений в язычестве древнюю христианскую Церковь спасло только то, что Христос был фактически приравнен к иудейскому Богу *Яхве*. Более того, к тому времени, когда был принят догмат о христианской Троице, все «еретические» рассуждения на этот счет уже решительно пресекались государством и ставшей могущественной Церковью. При этом даже тот очевидный факт, что ожидаемое Павлом «Пришествие» не состоялось ни во время жизни его поколения (сам Павел испытывал от этого некоторую растерянность), ни спустя две тысячи лет, не стало основанием для естественных дискуссий богословов Церкви о том, кто же, все-таки, в действительности, был этот неведомый «человеко-Бог» евангельского текста. Представления Павла о сущности «распятого Христа», фактически, оказались несостоятельными. Окончательный нелицеприятный вердикт всей его проповеди вынесло Время. И это – та объективная реальность сегодняшнего дня, против которой может спорить только не вполне адекватный человек.

Поясним читателю дополнительно, что если строго сле-

довать греческому тексту *Евангелий*, то того «Пришествия» (т. е. Второго Пришествия), о котором заявляет апостол Павел в своих Посланиях, ожидать не разумно. По той простой причине, что оно уже давно состоялось. Состоялось сразу же после смерти проповедника Иисуса. Выражаясь китайским языком, Иисус стал «духом верха», и уже тысячелетия «присутствует» в нашем земном мире в этом Своем качестве. Причем, это никак не влияет на тот факт, что евреи по-прежнему ждут появления *своего* Мессии. Пусть ждут. Их Мессия никогда не имел, и не имеет никакого отношения к проповеди о Царстве «настоящего» Иисуса.

Боже мой! Но это не слова очередного «противника иудаизма» – да не поймет это так наш разумный читатель! – это *логический вывод* из тщательного анализа всей накопившейся у человечества информации о «евангельском деле». Другого вывода, исходя из всех имеющихся сегодня «свидетельств», сделать невозможно. У нас еще будет возможность все это подробно доказать читателю. И пусть читатель – пока только предварительно – поверит в то, что автором движет вовсе не стремление очередного «антисемита» «забрать у евреев *нашего* Христа», а логика строгого анализа исторических документов.

Греческое слово «пришествие» использует сам евангельский Иисус. «*Как молния вспыхивает на востоке и являет себя до запада, – так будет пребывание/приход (паруси́а) Сына человека*». Так говорит о Своем «Пришествии» (*пару-*

си́а) Иисус в *Евангелии от Матфея* (Мф. 24:27). Речь здесь идет о «мгновенном» приходе Иисуса (уже после Его смерти, причем, не обязательно смерти крестной) к человеку в *духовном* опыте, а не об «общем» для всего человечества Втором Пришествии Мессии, как это понимает сам Павел, а с ним и все христианские богословы. Это принципиальное различие прекрасно показано в *Евангелии от Фомы*. Более того, следует напомнить читателю, что само представление и о «Конце света» или «Конце всех времен», и о «Спасителе», которыми оперирует Павел в своих Посланиях, иудеи заимствовали из древней персидской религии – зороастризма. Но там это было оправдано базовым положением о «трех исторических периодах» существования мира, и было связано с разными эпохами противостояния Добра и Зла. В Посланиях Павла такое «Пришествие» оказалось логически оторванным от зороастрийской версии.

Древнегреческое слово *паруси́а* (известная на Руси *Пару́сия*, созвучная со словом «Русь») – это, в действительности, «присутствие/приход», а не «пришествие». Принципиальная разница в понимании этого существительного заключается во *временных категориях*. Свое значение «пришествие» в *будущем времени*, оторванном от *настоящего момента*, это греческое слово получило уже от богословов Церкви, после чего оно так и вошло во все греческие словари. В качестве аналогичного примера неправильного понимания терминов евангельской проповеди Христа можно со-

слаться на традиционный перевод слова *μυστήριον* словом «таинство» (от слова «тайна») или на понимание глагола *μετανοέω* в смысле «(по)каяться».

Был ли иудей «Павел» искренен, и что явилось толчком для написания его Посланий? – Бесспорно, был искренним. Даже в том случае, если никакого известного нам «апостола Павла» в действительности не существовало. На чем основывалась специфическая «ярость» его Посланий и новое представление о еврейском Мессии? – На том *видении* по дороге в Дамаск, когда «Павлу» явился «дух» (китайское *шэнь*) распятого римлянами Машиаха. До этого события правоверный иудей Павел был убежден в том, что тот еврейский пророк, который называл себя при жизни Мессией, не был подлинным Мессией. Поэтому он такого лже-Мессию «гнал», т. е. преследовал всех сторонников такой веры, как сказано об этом в книге «Деяния апостолов». После *видения Христа*, от которого Павел упал в придорожную пыль и ослеп на несколько дней, он уверовал в то, что этот еврейский Мессия – действительно подлинный. «*Трудно тебе идти против рожна*» («рожа́н» – заостренная палка возницы, или древко с железным крюком, – для того, чтобы погонять непослушных запряженных быков) – так сказал Павлу этот «Дух». То есть во время этого Дамасского *видения* (а **это действительно произошло** с подлинным автором «Посланий») Мессия, по словам «Павла», сначала сравнил его с упрямым волком, а затем ослепил, чтобы превратить в свое

послушное орудие. Естественным следствием этого устрашающего *видения* автора и являются все «Послания апостола Павла», которые иначе бы просто не было.

И неужели это был «наш» *евангельский* Христос? Милосердный и беззлобный? Возможно ли? «*Блаженны кроткие сердцем*» – вот истинные слова Христа из Нагорной проповеди, которые известны всем. Однако если исходить из текста «Деяний» и Посланий Павла, сам «Христос» отнюдь не «*кроток*». У него, как и у «*сильных мира сего*», существуют «двойные стандарты»: для апостолов и для себя самого – одни, а для несчастного Павла, который «*лезет на рожон*» – совсем другие?

Для подлинного Царства Небесного, которое описано в евангельском тексте, подобное выглядит абсурдом! Для пути к Царству нет и не может быть никакого принуждения свободной воли человека. А этот «Христос» – Павла *принудил*. Любому разумному читателю должно быть понятно, что перед нами – два совершенно разных «небесных Духа»: один – это проповедник, названный в *Евангелиях* Христом, а второй – очередной распятый римлянами еврейский Машиах, Мессия. Но нам все станет понятно по ходу книги, а точнее, наш читатель скоро все поймет сам.

Для упорядочения наших мыслей перечислим подлинные этапы создания Новозаветных текстов. Первоначальный текст (пусть и не Новозаветный) – аутентичное *Евангелие от Фомы*, отражающее мысли и проповедь реального челове-

ка, именуемого в этом тексте Иисусом. Исходя из анализа смежных текстов (об этом – позже) евреем он не был. Затем, на базе *Евангелия от Фомы* и каких-то преданий о жизни этого проповедника, а также реальной жизни очередного еврейского Мессии, распятого римлянами, создаются «художественные произведения», которые позднее получили название *Евангелие от Марка* и *Евангелие от Матфея*. Следующим этапом – но уже через столетие или больше – какой-то мандей создает удивительное по своей духовности *Евангелие от Иоанна*.

Этот «Иоанн» Иисуса не знал, апостолом никогда не был, и писал свое *Евангелие* на основании знания двух предшествующих *Евангелий* (или эквивалентных им устных «былин») и своего личного духовного опыта постижения Царства Небесного. Далее, до или после времени создания *Евангелия от Иоанна* и независимо от него, появляется *Евангелие от Луки*, текст которого «расширенно» суммирует опыт синоптических *Евангелий* и, но уже немного позднее, в это *Евангелие* включается все то, что потребовалось возникшей Церкви в качестве догматического обоснования своих постулатов, связанных с «ипостасью» Христа. Этот же автор создает «Деяния апостолов» в качестве документального «оправдания» обнаружившихся приблизительно в это же время «Посланий апостола Павла». Все, что появляется в Церкви после *Евангелия от Иоанна*, это уже дело рук грекоязычных ромеев, а не евреев и не мандеев.

Итак, Иисус – не Бог (да простят меня за эти слова правверные христиане!), а если уж и Бог, значит, и мы *тоже* Боги. «*Все вы Боги*», – эти Его «кощунственные» (по мнению ортодоксальных иудеев) слова из канонического *Евангелия от Иоанна*, обращены к любому амбициозному читателю (или слушателю). И если евреи имеют законное право как-то объяснять текст своего Псалма на библейском иврите, откуда и взята эта евангельская цитата, то Христос произносит ее по *Септуагинте* (перевод еврейского Писания на греческий язык, выполненный иерусалимскими евреями для собственного употребления во время богослужения, в том числе в Александрии). То есть Он произносит эту фразу *по-гречески*, и следовательно, никаких неясностей с правильным пониманием этих **Его слов** нет и быть не может.

Любое человеческое существо не только может «стать Богом» из своего первоначального *животного* состояния, но оно от рождения призвано к тем «трансформациям», которые произошли когда-то с Конфуцием и Христом. С ними, Великими, эти духовные преобразования *уже* произошли, а с подавляющим большинством остальных людей – *еще нет*. И удивляться тут нечему: если какой-то невзрачный червяк Вселенной, ползающая гусеница, – способен летать, став порхающей бабочкой, и такое *действительно происходит* в природе, то тем более – человек. Он от рождения призван к полету. Это не «высокие» слова автора настоящей книги: именно этому учит не только Конфуций, но и Иисус.

Правильнее сказать «по-китайски» несколько иначе: после смерти Христос стал духом-*шэнь*, как и Конфуций и все другие, ушедшие из этого мира. Это подтверждает евангельский текст, который свидетельствует о том, что после своего Воскресения Христос, являясь к апостолам, **проходил сквозь запертые двери и стены**. Роль отдельных «вознесшихся духов» в жизни земных людей может отличаться от *шэнь* всех остальных умерших, и по этой причине появилось слово «Бог». Например, какой-то человек способен поднять штангу только в 20 кг., а иной – все 200. В духовном («невидимом») – то же самое.

Китайцы династии Чжоу называли духов выдающихся людей «духами верха», отделяя их от духов всех прочих покойников («духов низа», по аналогии с общественной социальной лестницей «верхов и низов»). Они полагали, что у «духов верха» – иная посмертная судьба. Но и в этих словах нет никакого ущерба или обиды для любого верующего: **все благие Боги или «духи верха» призваны только для того, чтобы поднять духовный статус человека до своего уровня**. «Ученик не выше Учителя» – заявляет Христос.

Как мы уже упомянули, слова о том, что все мы – *потенциальные* Боги, произносит сам Иисус. Так что мы и здесь не преувеличиваем и совсем не оригинальны. И когда это происходит в жизни – неожиданно и удивительно для самого человека, – такой человек понимает, что «Бога нет», а существует скрытая трансформация внутренней природы челове-

ка (наподобие трансформации червя в бабочку), выходящая за пределы нашей земной жизни. И что *все мертвые – живы*.

Итак, Иисус. То, что описано в *Евангелии*, – это реальный земной путь человека, который постепенно достигает духовных вершин. Первоначально об Иисусе никто ничего не слышал и ничего не знает, что нашло отражение в *Евангелиях от Матфея и от Марка*. Каноническое *Евангелие от Луки* – это уже «откорректированное» *Евангелие*, в котором первые «главы детства» добавлены через десятилетия после создания первоначальной редакции, о чем однозначно свидетельствует широко известное современной науке нашумевшее в Риме «дело Маркиона». Затем, в какой-то момент времени – точнее, во время Крещения в Иордане – человек Иисус получает реальный духовный опыт «раскрывшегося Неба». До этого все духовные процессы, духовный рост, происходили у Него «внутри»; они характеризовались значительно меньшей интенсивностью «переживаний» (в том числе и чжоуский опыт «просветления сердца», опыт *Вэнь*). Поэтому до Крещения Иисус жил незаметно, как и все вокруг, и о Нем никто не знал. Так, если исходить из анализа евангельского текста.

У Конфуция было иначе. У него была возможность сравнить свой опыт с опытом Вэнь-вана – самого прославленного человека Китайской истории. Древние иероглифы своими наглядными рисунками свидетельствовали о том, что с Конфуцием произошло то же самое, что и с Вэнь-ваном. По

этой причине Конфуций просто не мог «отсидеться в стороне» с этим своим опытом. Вэнь-ван, получив подобное, смог сменить прежнюю правящую династию Шан на более справедливую династию Чжоу. Этот опыт, как это мог понять Конфуций из древних текстов, дается человеку самим Небом-*Тянь* (или «духами верха») вовсе не для того, чтобы он размышлял о происшедшем в укромной тишине. Этот опыт, как и сопряженные с таким опытом особые способности, дается для выполнения важной государственной миссии – так это понимал сам Конфуций.

И только этим вызваны частые обращения Конфуция к Небу-*Тянь*, в которых он стремится понять, насколько его поведение соответствует установкам Неба. Более того, Конфуций прекрасно видел, что в обществе окончательно выветрились идеалы Чжоу, и что эту древнюю практику уже никто не понимает. И он воспринял свою миссию, как «мандат Неба» на приведение Поднебесной к прежнему гармоничному состоянию. «Гармоничному» – в первую очередь между миром живых и миром мертвых, а все остальное, как это понимал он сам, является только следствием главного.

У Иисуса – совсем по-другому. Он никак не проявил Себя после получения опыта *Вэнь*, и это может свидетельствовать только о Его природной скромности. Следует также отметить, что опыт «расширения сердца» («просветления сердца») ни в текстах египтян, ни у *мандеев*, ни у иудеев не описан в качестве особого духовного состояния. Иисус ничего

не мог знать о каком-то выдающемся человеке, подобном Вэнь-вану или Конфуцию, – с которыми Он мог бы этот свой опыт сравнить. Опыт *Вэнь* имел Моисей, но догадаться об этом по еврейским текстам было невозможно (да и сам Моисей вряд ли отдавал себе отчет в том, что с ним произошло). Когда над Иисусом вдруг «раскрылось Небо», – это оказалось для Него полной неожиданностью и произвело на Него сильнейшее впечатление, – так, что Он ушел в «пустыню», надо было все это обдумать и объяснить самому Себе. По *Евангелию* там с Ним происходили «испытания», что тоже укладывается в парадигму стандартного духовного роста человека.

И только после всего этого Иисус вышел на проповедь *метанойи* – «изменения ума»: «*Покайтесь* (*метаноэо*, что на греческом языке всегда означало «измениться/меняться умом»; буквально – «перейти [из одного состояния/местоположения] ума [в другое]»), *близко есть Царство Небесное!*». В христианской переводческой практике греческий глагол *метаноэо* всегда превратно переводился (и переводится) словом «(по)каяться», что уравнивает его с совершенно другим греческим глаголом – *метамэломай*, который тоже неоднократно встречается в евангельской проповеди Христа и правильный перевод которого – действительно «(по)каяться». Без *метанойи* (но не церковного «покаяния»!), которая произошла с Христом (а Он заявляет о *метанойи* из собственного опыта), достижение человеком Царства Небесного невоз-

можно.

Причем, Иисус не кривит душой, когда утверждает, что проповедует евреям их собственный Закон (*Тору*). Но при этом все окружающие не понимают того, что если Моисей проповедовал народу «своего» еврейского Бога *я́хве* (возможно, здесь *более справедливо* говорить о Принципе *Яхве*, – том Принципе, который является, если руководствоваться библейским текстом, *вторым* началом Творения мира, но не *первым*), то Иисус – проповедует уже общечеловеческого Бога *Элохима* («Отца», первый Принцип Творения, или мандейского «Отца Света») из той же еврейской *Торы* (см. «Шестоднев» *Книги Бытие*). Исторически евреи оказались не в состоянии правильно понять проповедь *мандея* Иисуса, зафиксированную в евангельском тексте.

Итак, – два реальных проповедника духовной эволюции человека (фактически, – *инволюции*). Принципиальная разница в их проповеди заключается в том, что у Конфуция имеется конкретный *предшественник* в виде Вэнь-вана, носителя традиции Чжоу. Конфуций «сам от себя» ничего не придумывает, он фактически возобновляет проповедь Чжоу о «стяжании *Дэ*» и достижении состояния «просветления сердца» (*мин синь*). И для него самого все это ясно за одним исключением: **всем важнейшим древним иероглифам Чжоу надо вернуть их прежние значения**. Хотя, уточним: Конфуций – здравый человек, и ему прекрасно понятны и видны все приведенные нами ранее рассуждения о

сложности той ситуации, в которой он оказался. Поэтому на практике он часто проповедует с помощью намеков или мысленных обращений к рисунку иероглифа и главное – с помощью использования *омонимов*, т. е. фактически проповедует «притчами», прекрасно понимая, что для прозревшего человека смысл всех этих «притч» и «намеков» прояснится сам собой.

Здесь важно разъяснить читателю принципиальные основы любой духовной проповеди – как Конфуция, так и Христа. Истинный проповедник направляет все свои усилия на то, чтобы слушающие (а точнее, какая-то часть из них) смогли получить *тот же самый* духовный опыт, который некогда приобрел он сам. Но при этом он понимает, что говорить об этом опыте напрямую бесполезно и даже опасно: слушающий человек ничего не поймет, и более того, подобные «разъяснения» только оттолкнут человека от предлагаемого пути. Поэтому подлинная духовная проповедь всегда разветвляется на два направления. Первое – это требование строгого соблюдения конкретных моральных заповедей, без которых достижение этой реальной цели невозможно. Проповедник знает это, и поэтому он обязан быть жестким в своих требованиях, несмотря на то, что это может оттолкнуть от него часть слушателей.

Второе – это постоянные разговоры проповедника о каком-то привлекательном и почти «сказочном» будущем: о чем-то необычайно прекрасном, чудесном и желанном для

слушателя, – о том будущем, которое «само реализуется» в конце предлагаемого пути. Обязательное условие этих разговоров – это их завуалированность, неясность, образность и загадочность для слушателя. «Загадочность» – в описании той «конфетки», которая предлагается каждому в качестве награды за все труды. У Христа такой «конфеткой» было Царство Небесное, которое Его еврейское окружение отождествляло с ожидаемым всем Израилем *малькут шамаим*. Для всех евреев, учитывая их подчиненное Риму положение, – это действительно было жизненно важно. Все притчи-загадки Христа – о Его Царстве. И большинство сравнений этого Царства – с «браками», т. е. с сексуальным (*sic!*) единением жениха и невесты. При этом следует сказать нашему читателю, что сравнение с «браками» – это не просто отвлеченная «конфетка», связанная с современным пониманием секса, как «сладоэрастия»: оно имеет под собой реальную, причем, очень важную подоплеку.

У Конфуция в качестве такой «конфетки» выступал иероглиф (слово) *Жэнь*, а точнее, достижение состояния *Жэнь*. И уже как результат такого достижения – становление *Цзюнь цзы* (буквально «сын правителя»; что это такое, ученикам тоже не было до конца понятно). Ученики понимали это как становление таким «чудесным» человеком – ну, прямо как Вэнь-ван, – которому ничего не стоит занять важный государственный пост у любого правителя княжества. А значит, – обеспечить себе жизненное благосостояние и добить-

ся успеха и известности на государственном поприще. Именно в этом заключался смысл жизни любого амбициозного китайца во время Конфуция.

Но важнейшей задачей проповеди любого великого духовного Учителя является, наверное, совсем другое: проповеднику необходимо зафиксировать или обозначить – в притчевой форме – те координаты Пути, которые станут видимыми и понятными ученику только после получения самим учеником конкретного духовного опыта, соответствующего той или иной «координате». Благодаря «неожиданному» обнаружению в уже хорошо знакомом тексте этих скрытых прежде от глаз и ума «разъяснений» человек понимает, что он следует по правильному пути, т. е. не сбился с дороги. Понимает, что то неожиданное, чудесное, необыкновенное и непонятное, – что произошло с ним, – это и есть *абсолютная* гарантия правильности выбранного им направления. И текст Лунь юй, и евангельский текст (прямая речь этих Учителей) содержит «зашифрованную» информацию подобного рода. Поэтому такие тексты следует читать в подлиннике. В любом переводе эта информация исчезает. Сам Конфуций идентифицировал свой опыт благодаря наглядной «картинной» письменности бронзовых сосудов Чжоу. То есть он тоже читал тексты Раннего Чжоу «в подлиннике».

Иисус проповедует притчами, как и Конфуций, не называя вещи своими именами, но уже по другой причине. И при этом Он не требует «исправления имен». Почему? Потому

что если для Конфуция время Чжоу с его правильным пониманием иероглифов («имен») – в далеком прошлом, то для Христа время Его терминологии – фактически в настоящем. Он проповедует «мистерии (*μυστήριον*) Царства Небесного», а в это время – т. е. во время Его проповеди – в Греции, в Элевсинском Храме *Τελεστηριόν*, регулярно проводятся *μυστήριον*, – и так вплоть до IV в. н. э., когда этот «языческий» Храм был разрушен пришедшими «людьми в черном» (монахами). Для аудитории Христа, разговорным языком которой был древнегреческий (пусть не классический, а упрощенный – *койнэ*), прекрасно понятна вся эта «мистическая» терминология, – слова *μυστήριον*, *τέλος*, *παλιγγενεσία*, *μεταίνοια* и др. Все эти термины напрямую связаны с получением духовного опыта, который получали эллины, прошедшие через мистерии. Поэтому Христу не требовалось никакого «исправления имен», как Конфуцию. Предлагаемые Им *μυστήρια* оставались теми же самыми по своей *духовной сути*, но отличались от «языческих» по своему уровню или *статусу*.

Особо отметим для достаточно грамотного читателя следующее. Доказать, что проповедь исторического Христа состоялась на общеразговорном греческом языке, а не на арамейском, как это утверждают обоюдно христианская Церковь и иудейская Синагога (а их богословы заинтересованы именно в таком решении вопроса), – не составляет никакого труда для любого профессионально порядочного филоло-

га-эллиниста, знакомого с греческим текстом *Евангелий*. Хотя при этом ясно также и то, что родным языком «Христа» был мандейский диалект арамейского. Отсюда – отдельные семитские слова в Его евангельской речи. Мы к языку проповеди Христа еще не раз вернемся.

Единственно, что следует здесь отметить – и это роднит проповедь Христа с суждениями Конфуция в части намеренного «затемнения» смысла слов, – это то, что исторический Иисус проповедовал совсем другое Царство Небес, чем то, прихода которого с нетерпением ожидали все иудеи. Это не было еврейское *мальку́т шамáим* (так оно звучит на иврите), которое означало – в дословном переводе на греческий – то же самое «Царство Небес» (Христово греческое *басиле́йя тон урано́н*). Иудеи ожидали прихода своего *Машиа́ха*, который освободит их народ от римского гнета и установит во всем мире справедливое *земное* Царство с евреями во главе.

Проповедь реального «Иисуса» о *духовном* Царстве, которая происходила в среде иудеев, могла состояться и состоялась только потому, что все окружающие и даже Его апостолы, включая обманутого Им Иуду и братьев Зеведеевых, воспринимали это «греческое» Царство (*басиле́йя*) Христа, как свое *мальку́т*. Но если бы Христос раскрыл им Свою тайну о «Царстве», Его бы тут же предали смерти через побивание камнями в соответствии с иудейским Законом (такие попытки мы видим в евангельском тексте). Он это прекрасно понимал, и по этой причине, в том числе, про-

поведовал о Царстве притчами. Он должен был исполнить Свою миссию, возложенную на него во время Крещения «Отцом»-*Элохíмом* (мандейским «Отцом Света»). Он знал, получив духовное знание-*гно́сис*, что «правда *Элохима*» выше «правды *Яхве-Адóна*», поэтому такое поведение Иисуса ложью назвать нельзя.

Кстати сказать, довольно «нахальное» (по мнению интеллигентного человека) именование Всевышнего Бога своим «Отцом» – это изначально мандейская традиция, а не иудейская (мандеи – это евангельские «дети», которые считали себя «избранными Отца»). Для традиционного иудаизма заявлять подобное – крамола. «Отцом» иудеев мог быть только Авраам, но не «выше», о чем они и заявляют Иисусу в *Евангелии от Иоанна*. Но после появления *Евангелий* и утверждения христианства многое было откорректировано и у самих иудеев, в том числе и их представления о посмертной жизни. Например, появление еврейской Каббалы невозможно представить себе без наследия мандеев, неоплатоников и христианского богословия. У мандеев (до I в. н. э. они называли себя *назарейями*) отношение к Высшему Богу, которому они поклонялись, было иное, чем у иудеев – к Богу *Яхве*. Мандеи считали Бога Света своим *Отцом*, и это свидетельствует о том, что опыт того Царства Небесного, которое проповедует евангельский Иисус, к этому времени был для *назируты* уже испытанной реальностью. И уже отсюда слова евангельского Христа – «*Все вы Боги*», которые не приемлет традиционный

иудаизм.

Если опять вернуться к термину *чжэн мин* и перенести его на христианские реалии, то следует сказать, что со временем – уже после того, как окончательно утвердилась Церковь со своим Символом веры и Таинствами; после того, когда *Элевсинские мистерии* ушли в далекое прошлое, – евангельскому тексту и словам Христа тоже потребовалось (а точнее, – требуется *сейчас*) конфуцианское «исправление имен», которое – как и у Конфуция – до настоящего времени никто не сделал. Слово «мистерия» (в греческом языке Христа именно *μυστήριον*, а не «тайна» – греческое *τα κρυπτα*) со временем, через века после разрушения элевсинского Храма и прекращения языческих мистерий, стало означать регулярный церковный обряд под названием «Таинство» – Причастие или Крещение. А редкое в человеческом сознании «триггерное» опрокидывание мировоззрения – *метанойя* – полностью уравнилось с евангельским же *метамеломай* (совершенно другое существительное, которое действительно означает «раскаяние», «покаяние») и стало оно означать многократное церковное «покаяние» верующих во время церковной исповеди у священника.

И если разумно читать евангельский эпизод, то Иуда, например, действительно «раскаялся» (*метамеломай*, именно так в тексте) в своей выдаче Христа, но при этом... он не «раскаялся» (*метаноэо*, как требует от человека в проповеди о Царстве Сам Христос). Из чтения греческого текста по-

нятно, что подобное искреннее (!) раскаяние Иуды не имеет никакого отношения к тому евангельскому Царству Небесному, о котором проповедовал Христос, и которое даруется только после «сумасшествия в голове» под названием *метанойя*. Ой-ой-ой! «Всё смешалось в доме Облонских».

Кстати сказать, даже исходя из такого небольшого обзора евангельского текста, в котором присутствуют важнейшие категории проповеди Христа, любому грамотному филологу понятно, что Иисус проповедовал на греческом. В достаточно простом арамейском языке, который никогда не использовался для выражения философских или богословских понятий, аналогов этой паре греческих слов – *метанойя* и *метамеломай* – нет. Как нет, например, аналогов греческим терминам *агапáo* (упрощенно говоря, «любить» Бога, т. е. возвышенно) и *филéо* (тоже «любить», но уже по-другому, «по-людски»). На противопоставлении этих двух «похожих» глаголов, которые использует Христос, построен весь последний эпизод из канонического «мандейского» *Евангелия от Иоанна*, когда воскресший Иисус спрашивает пристыженного Петра, который Его трижды предал: «*Любишь ли ты Меня?*». И читателю евангельского текста (на любом европейском языке) невдомек: почему Петр «сокрушился» только после третьего вопрошания Христа об «одном и том же»? Отвечаем: потому что Христос заменил в своем последнем, третьем обращении к Петру первоначальный глагол *агапáo* на *филéо*. Но в арамейском языке всегда существо-

вал и существует *только один единственный* глагол для выражения понятия «любить». А значит, после перевода этого *Евангелия* с греческого языка на якобы «первоначальный» арамейский вариант Петр «может спать спокойно».

Хотя, если «закрывать глаза» на это принципиальное различие между двумя древними языками – что и делает христианское богословие, – в таком случае Иисус действительно «проповедовал на арамейском». Но в таком случае Он проповедовал о «Рае» Бога *Яхве*, а не о «Царстве Небесном» *Элохима*. И здесь сразу же возникает вполне закономерный вопрос: что нового, при таком понимании *языка проповеди* Христа, Он принес в мир евреев, кроме того, что уже давно было сказано Моисеем? Правильный ответ: ничего нового. И именно так думают сами евреи. Вот и считают Его все разумные и далекие от «языков» люди – включая евреев и арабов – каким-то наивным романтиком (причем, здесь можно было бы употребить гораздо более жесткие выражения), – неудавшимся пророком (для евреев и мусульман Он действительно Пророк, а не «Мессия» и не «Сын Аллаха») с добрыми и красивыми речами. Вся проповедь которого только и состояла в том, что Он, несчастный, безвинно принял страшную смерть, пострадав таким образом «за людей».

И от подобной богословской логики – от этого непонятного выражения «за людей», и от того странного, что Он «взял грехи на себя» – у любого здравомыслящего человека поневоле начинают шевелиться волосы на голове и «расширяться

глаза» (но не *сердце*): такая логика абсурдна для разумного человека (но не Тертуллиана). Более того, именно эта противоестественная логика сделала евреев главными виновниками в смерти Христа, с последствиями чего еврейский народ сталкивался на протяжении всей своей истории. Пора, наконец, «разложить все это по полочкам» и дать разумное объяснение двум важнейшим текстам человечества: *Евангелию* и *Лунь юю*.

* * *

Итак, вернемся к началу этой главы и еще раз скажем коротко об очень важном термине всего Учения Конфуция – о необходимости «исправления имен» (*чжэн мин*). Конфуций учит своих учеников тому древнему «пути Чжоу» (*Дао Чжоу*), который отстоит от его времени на половину тысячелетия. Конфуций не изобретает ничего принципиально нового, а учит «подражанию древним» в их духовном пути. Но за то долгое время, которое прошло от периода становления династии Чжоу – когда этот путь уже окончательно выкристаллизовался – и до времени жизни Конфуция, многие ключевые слова (иероглифы) принципиально изменили свое значение, оставаясь прежними по рисунку. Это относится, в первую очередь, к таким важнейшим иероглифам *Лунь юя* как *Вэнь*, *Сяо*, *Дэ*, *Ли*.

Использовать эти иероглифы в их современном значении

Конфуций не мог, – разумно рассуждая, пришлось бы придумывать какие-то аналоги, дублирующие древние образцы. Против такого решения вопроса любой искренний поклонник Чжоу – и это выглядит вполне понятным чисто по-человечески – будет внутренне противиться. Это равносильно тому, что для христианина, например, заменить имя *Христос* на какое-то другое, оставив Его проповедь в неприкосновенности (вспомним, какие битвы на Руси были между староверами и «никоновцами» из-за простого изменения прежнего написания «Исус» на новое «Иисус»). Конфуций воспринимал письменность в качестве дара, полученного свыше от духов, – дара, предназначенного для мысленного общения человека с этими духами. И по этой причине ему пришлось излагать свое Учение о «древнем пути Чжоу» в какой-то степени притчевым языком: Конфуций очень часто использует эти иероглифы (или их произношение) в их первоначальном древнем значении.

Но при этом Конфуций прекрасно понимает, что для его слушателей часть таких высказываний может вылиться в сущую «абракадабру», и ему приходится балансировать на грани неадекватности, порой заменяя необходимый древний иероглиф каким-нибудь *омонимом* – другим иероглифом, который *звучит одинаково* с этим древним (что было нормой для древнекитайского языка того времени). Наиболее наглядный пример подобной «неадекватности» можно увидеть в «духовной биографии» Конфуция, где он буквально

заявляет о том, что его «уши стали *ему* послушными». К удивлению читателя, это выражение часто так и переводится, причем, безо всяких разумных пояснений (или переводчики придумывают какую-то «отсебятину», которая не имеет никакого отношения к реальному тексту).

Чжэн мин – это то «выправление [значений] иероглифов», которое должен делать мысленно, в своем сознании, каждый понимающий слушатель Конфуция, придавая всем этим древним знакам их первоначальный смысл. Об этих прежних значениях очень много пишет российский китаевед – Василий Михайлович Крюков в своей замечательной итоговой работе «Текст и ритуал» (мы на нее будем часто ссылаться). И вот теперь-то, наконец, мы можем перейти к персональному рассмотрению всех главных категорий (иероглифов) Лунь юя.

Объяснение основных терминов Лунь юя

В нашем переводе суждений иероглифы записаны в виде русской транскрипции Палладия (напр. *жэнь* – «человек»). В отличие от *омонимов* основные духовные термины пишутся с прописной буквы (напр. *Жэнь*).

ЖЭнь

Жэнь. Это – единственный иероглиф духовного лексикона Чжоу, который не изменил своего древнего значения. Его смысл уже не понимали не только современники Конфуция, но даже – за поколения до него. Возможность использования Конфуцием этого иероглифа в истинном значении объясняется тем, что этот достаточно редкий, но в то же самое время очень наглядный по своему рисунку иероглиф, оказался совершенно не задействованным в более позднем китайском языке, – в период от Раннего Чжоу до Конфуция. Возможно, это было связано с тем, что *Жэнь* присутствует в очень почитаемом древнем тексте – «Книге стихов», Ши цзин, и его не совсем понятное значение не отважились тревожить. Конфуций значение этого иероглифа разгадал и активно использовал в своем Учении.

Иероглиф *Жэнь* состоит из двух простейших древних рисунков: знака «человек» (*жэнь*; в своем современном ключевом исполнении этот знак напоминает арабскую цифру «1», а в древнем написании – это условное изображение человека в профиль изогнутой линией с отходящими вниз «руками», наподобие «циркуля»), и справа от этого «человека» – древнего знака «верх» (*шан*), который во время предшествующей династии Инь и при Раннем Чжоу (начальный период Западного Чжоу) означал «[духов] верха» или *благих* духов

умерших предков.

Этот простой знак *шан* при обращении к миру ушедших понимался – причем, с самых древних времен – как «верхи» или «дух(и) верха». В этом контексте слово «дух(и)» часто опускалось, что являлось обычным сокращением подлежащего в древнекитайском тексте. Например, в книге Шу цзин – «Книге истории» (она же Шан шу, «Чтимая книга»), в разделе «Юйские писания», глава 1, про императора *Яо* читаем: «[Так] вширь покрыл [мира] четыре предела, дошел до [духов] вверху и внизу» (Чтимая книга: Древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шу цзин») и «Малого предисловия» («Шу суй»), ИДВ РАН, М.:2014, стр. 18). Читатель уже заметил, что слово «духи» здесь опущено. В этом китайском тексте последовательно стоят иероглифы *шан* и *ся*, т. е. правильно эту фразу читать: «... дошел до [духов] верха и низа».

Как мы уже упоминали, иероглиф *Жэнь* и его правильное понимание взяты Конфуцием из самой древней книги Китая – Ши цзин, которая первоначально была единственным «духовным пособием» или своего рода «Учебником» для молодых аристократов Раннего Чжоу (достаточно близкий аналог – Псалмы Давида в иудаизме).

Древнейший знак *шан*, который входит в иероглиф *Жэнь*, представлял собой две горизонтальные линии, расположенные друг над другом, и напоминал современный знак равенства «=». В то далекое время в Китае существовал очень похожий на *шан* иероглиф – числительное «2» («два», *эр*), – ко-

торый записывался в виде двух горизонтальных линий *равной длины*, расположенных друг над другом. В отличие от иероглифа «два» (*эр*) – а именно в таком смысле всегда понимался и понимается в настоящее время правый знак иероглифа *Жэнь* – в знаке *шан* верхняя горизонтальная черта изображалась немного *короче*, чем нижняя, и располагалась она *симметрично* относительно этой нижней. При этом нижняя черта (в самом древнем варианте написания) часто имела вид не прямой линии, а изогнутой дуги, обращенной своей выпуклостью вниз. Однако уже ко времени создания надписей на бронзовых ритуальных сосудах обе эти линии – верхняя и нижняя – рисовались прямыми.

Как мы уже упомянули, в противоположность знаку *шан* древний иероглиф «два» (числительное) представлял собой (и представляет сегодня) две черты *одинаковой длины*, расположенные друг над другом. Рисунки этих двух *различных* иероглифов – *шан* и *эр* – зрительно отображали ту действительность, которую видел перед своими глазами древний китаец.

Иероглиф *Жэнь* в китайской традиции, сложившейся после Конфуция, очень часто **продолжал изображаться таким образом, что верхняя черта его правого знака рисовалась короче нижней**, и объяснялось это некой каллиграфической практикой. Если бы это был действительно знак «два» (как утверждает традиция), в таком случае мы бы видели здесь две черты *одинаковой* длины, т. к. практичный

китайский ум не допустил бы подобного «смешения» этих **двух важнейших знаков древности** (*шан* и *эр*), которые могли одновременно присутствовать в гадательной надписи на панцире черепахи или в инскрипции на бронзе.

Для практичного ума древнего китайца такой знак – где верхняя черта короче нижней – обозначал бы, в крайнем случае, какое-то «полтора», но не «два» (если условно исключить из рассмотрения древний знак *шан*). Древний иероглиф *шан* мнемонически отображал условный предмет (обозначенный в виде короткой линии), который расположен «сверху» на земле. Длинная линия этого иероглифа изображала поверхность земли (или горизонт). В представлении древнего китайца это и означало «верх», «наверху», «сверху», «верхи» – в любых возможных сочетаниях.

Иероглиф *Жэнь* – это базовый иероглиф всей духовной практики Раннего Чжоу и Учения Конфуция. И по этой причине мы вынуждены уделить особое внимание критике его традиционного понимания, а иначе нас могут обвинить в поверхностном подходе все те профессиональные синологи, которые склонны придерживаться традиционных представлений о компонентах этого простого иероглифа (в их представлении это знаки «человек» и «два»).

Главное значение иероглифа *Жэнь* во всех словарях – это «человеколюбие» или «гуманность». При объяснении этого значения логика всех комментаторов (как древних, так и нынешних) такова: если в этом иероглифе мы видим справа от

«человека» цифру «два», – это означает, что «два человека любят друг друга», т. е. они «гуманно» относятся друг к другу (или, возможно, только один из них «любит», т. е. обладает этим *Жэнь* – тот, который представлен радикалом «человек»). Существующая проблема понимания этого иероглифа заключается в том, что сам Конфуций не дает ответа своим ученикам на вопрос, что же он означает. Хотя на протяжении всего текста Лунь юй эта тема отыскания подлинного смысла *Жэнь* является одной из самых актуальных.

Но если следовать логике подобных рассуждений – той, что в правой части мы действительно видим знак «два», – в таком случае изображаемый иероглифом «человек» с одинаковой вероятностью может как *любить*, так и *ненавидеть* другого: графическое указание на «любовь» в этом иероглифе отсутствует. И в таком случае иероглиф *Жэнь* с равным правом может означать «человеконенавистничество», а не «человеколюбие». По ходу чтения книги сам читатель придет к закономерному выводу, что правильное значение иероглифа *Жэнь* – ни то, ни другое. В традиционном переводе одного из суждений мы читаем следующее: «Гуманный человек (*Жэнь*) может *любить* людей и *ненавидеть* людей». Абсурд? Но ученый мир этого абсурда не замечает.

Еще один пример, который свидетельствует об ошибочности общепринятого понимания иероглифа *Жэнь*. В китайском языке существует иероглиф *са* (№ 9 в Большом Китайско-Русском Словаре под ред. Ошанина; далее мы будем

обозначать это как «БКРС № 9»), который отличается от *Жэнь* только тем, что вместо двух параллельных черточек (или линий) справа от ключа «человек», – в этом иероглифе нарисовано уже три подобные черточки (и тоже друг над другом, обозначая тем самым цифру «три» – *сань*). Но переводится этот иероглиф уже совсем по-иному: как «три штуки», «тройка», «втроем».

И это странно, т. к. эти два иероглифа – *Жэнь* и *са* – по принципу построения своих рисунков идентичны (если полагать, что в *Жэнь* мы видим цифру «два»). Более того, на протяжении всей истории развития китайской цивилизации ум китайца отличался гораздо большей практичностью («не абстрактностью»), чем ум европейца, а следовательно, в схожем рисунке иероглифов всегда присутствовала общая логика смысла. И в приведенном нами случае удивительно, почему *Жэнь* – это не «две штуки», «двойка», «вдвоем» (по аналогии с *са*); или, наоборот, почему *са* – это не «усиленное человеколюбие» (т. к. в этом случае уже не два, а три человека «любят друг друга»)?

Одновременное присутствие в словарях этих двух сходных по рисунку, но совершенно разных по смыслу иероглифов логически взаимоисключает существование одного из них, если понимать графическую структуру *Жэнь* традиционно. И если попробовать мысленно воссоздать – пусть только теоретически – историческую картину появления этих иероглифов в лексиконе, то простой логический анализ при-

водит любого исследователя к следующему очевидному заключению. Невозможно было возникновение в письменности иероглифа *Жэнь* (понимая его в традиционном смысле) после того, как иероглиф *са* уже существовал. И наоборот, невозможно было появление иероглифа *са* после наличия в словаре *Жэнь* (в его традиционном понимании). И тем более, – невозможно было одновременное появление в лексиконе этих двух иероглифов. А следовательно, в правой части иероглифа *Жэнь* не может стоять знак «два».

Замечательный советский и российский китаевед Артемий Михайлович Карапетьянц в статье, посвященной исследованию терминов Лунь юя, заявляет об иероглифе *Жэнь*, понимаемом как «человеколюбие», следующее (этот иероглиф встречается в Лунь юе 108 раз): «Мы бы не применили этот термин нигде, где его применяет Конфуций». Однако сомневаться в том, что этот термин неправильно применяет (а значит, и понимает) сам Конфуций, а не мы, было бы для нас достаточно самоуверенным. Следовательно, – ошибаемся в таком его понимании именно мы. И нам следует искать его правильное значение, правильный смысл.

После эпохи Конфуция рисунок иероглифа «два» (*эр*) не изменился и в неприкосновенности дошел до наших дней, в то время как первоначальный древний рисунок знака «верх» (*шан*) исчез еще до рождения Конфуция: иероглиф *шан* в виде двух горизонтальных линий разной длины не существует уже более двух с половиной тысячелетий. На Го-

дяньских планках Дао Дэ цзина (южное письмо царства Чу, приблизительно V–III вв. до н. э.) мы видим промежуточный и уже усложненный вариант изменившихся рисунков знаков «верх» и «низ». А еще позднее – появился тот знакомый нам знак «верх» (в виде «перпендикуляра»), который закрепился уже навсегда и который не имеет никакой графической связи со своим древним предшественником (хотя имеет определенное логическое обоснование). Этот рисунок «перпендикуляра» фигурирует уже в словаре Шо вэнь. Но это – после Конфуция. А как было при его жизни? В любом случае Конфуций просто заимствовал иероглиф *Жэнь* из книги Ши цзин в его истинном древнем начертании. Если бы в этом иероглифе присутствовал не древний, а современный для времени Конфуция знак *шан*, – в таком случае у учеников и у всех последующих исследователей Лунь юя вряд ли бы возникли затруднения с определением его смысла.

Сегодня нам известно, что во время династии Хань (III в. до н. э. – III в. н. э.) – а именно тогда и возникает подлинный интерес к Конфуцию на государственном уровне – начертание знака *эр* («два») и древнего знака династии Чжоу *шан* («верх») почти не различалось. Знание древнего *шан* (и того факта, что такой иероглиф когда-то действительно существовал, и знание его смысла) к этому времени было уже утрачено. Отсюда правый знак, входящий в иероглиф *Жэнь*, стал ошибочно восприниматься как числительное «два» (*эр*). Но при этом по традиции он продолжал запи-

сываться так, как его когда-то изображали в Ши цзине: верхняя черта рисовалась немного короче нижней (т. е. в древнем написании *шан*).

Можно объективно констатировать факт, что величайшее уважение к памяти Учителя достигло в Китае такой гипертрофированной формы, что китайцы буквально «изменили своему геному». Числительное «два» (в их понимании) они стали записывать в иероглифе *Жэнь* в виде «графического полтора», сознательно игнорируя тем самым главный принцип создания иероглифов – обязательного соответствия (пусть и символического) рисунка иероглифа той внешней картине, которую он изображает. Для исключительного практичного китайского ума это было равносильно совершению японцем *харакири*. И, возможно, уже отсюда берут свое начало также и все те *фантастические* трактовки иероглифов Лунь юя и те комментарии к суждениям, в которых «поислушные уши» Конфуция принимаются за «чистую монету».

Итак, подлинное *Жэнь* Конфуция и Ши цзина, если характеризовать этот иероглиф коротко, – это «духо-предстояние», т. к. рисунок изображает человека (ключ *жэнь*), поставленного рядом с «верха́ми» мира умерших. *Жэнь* – это характеристика исключительно внутреннего состояния человека: обращение ума и сердца человека к миру «высших духов» или к какому-то отдельному представителю этого мира.

Жэнь в тексте Лунь юй – это, во-первых, *человек*, находящийся в состоянии такого внутреннего обращения к миру духов или начавший практиковать этот прием. Человек может практиковать его в любой обстановке – когда работает, когда отдыхает, принимает пищу, идет по улице, справляет естественную нужду или специально занимается этой практикой. Второе значение этого иероглифа – это *состояние* удержания в своих мыслях постоянного устремления к миру духов. Третье значение – *название особого технического приема*, как, например, *техника* творения «Иисусовой молитвы» в средневековом христианстве, которой посвящены многие главы греческого сборника «Добротолюбие». Техника *Жэнь* (как и творение Иисусовой молитвы) заключается в постоянном насильственном принуждении себя к искусственному состоянию своего ума (на первоначальном этапе практики), – постоянному обращению мыслей к миру духов (или представителю этого мира).

Конфуций, как и во времена Чжоу, использовал этот прием в качестве практического средства, способствующего получению человеком Дэ – той самой «благодати» (см. книгу В. М. Крюкова «Текст и ритуал»), которую древние аристократы Китая учились получать задолго до Конфуция – уже в Раннем Чжоу и даже в предшествующей династии Инь. Фактически *Жэнь* у Конфуция (но и в Раннем Чжоу) играет ту же самую роль, что и «Иисусова молитва» в монашеском христианстве.

Когда в обществе оскудевает первоначальный импульс какой-то яркой проповеди или утрачивается свежесть и новизна примера какой-то яркой личности (например, Христа в христианстве, или Вэнь-вана в древнем Китае), тогда поздними их почитателями создается некий искусственный «костыль» (выражение епископа дореволюционной России Феофана Затворника), с помощью которого человек может «заставить себя» достичь тех же самых духовных результатов, что и те древние, которыми этот человек восхищается, которых он боготворит, и которым *подражает*.

Такой «искусственный костыль» в христианстве – это многократное (в идеале – не прекращающееся даже во сне) мысленное повторение Иисусовой молитвы – **«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго»** – использовали, например, наши русские старцы Серафим Саровский и Силуан Афонский. Причем, Серафим Саровский в своих «Наставлениях мирянам» рекомендовал этот прием всем тем, кто искренне стремится приблизиться к Богу. То есть, образно говоря, Серафим предлагал использовать то же самое *Жэнь* Конфуция или древнего Чжоу, но где в качестве «духа верха», к которому мысленно обращается человек, выступает сам Христос.

А пример русского старца Силуана Афонского свидетельствует о том, что такое внутреннее состояние человека действительно может длиться непрерывно. Незадолго до смерти старца – когда он находился в монастырской больнице на

Афоне, – его сосед по больничной палате завел с ним разговор об Иисусовой молитве и признался, что когда он исполняет монастырское послушание на общественных работах, он не может удержать в себе эту молитву, и она у него *теряется*. На это Силуан сказал: «У нас так не бывает», и вышел из палаты. Чему сосед изрядно удивился, и даже подумал о той «прелести», в которую впал старец Силуан. При этом следует упомянуть, что и Силуан тоже имел в течение ряда лет хозяйственное монастырское послушание. Тот читатель, который читал простые и наивные (с точки зрения мирского человека) «Творения» Силуана Афонского – но нет ничего в мире ближе к евангельским строкам! – понимает, что такой человек лгать не мог. И тем более, перед своей кончиной.

Но и все религиозные праздники (не только христианские) изначально были призваны только для того, чтобы периодически *напоминать* или «восстанавливать в памяти» приверженцев этих религий те события и образ тех основателей религий, которые оставались в далеком прошлом. Например, в раннем христианстве праздновался только один праздник – день Воскресения Христа, Пасха, а позднее (через столетия) – это уже целых двенадцать праздников, причем, только главных («двунадесятих»). То есть таких «напоминаний» в Церкви стало гораздо больше, т. к. дух первоначального христианства в обществе стал угасать.

В *Евангелии от Луки* Христос – когда учреждает обряд Причастия – говорит своим апостолам на Тайной Вечери:

«*Это делайте в Мое воспоминание*» (Лк. 22:19). И «Иисусова молитва», и *Жэнь* Конфуция – это и есть такое *воспоминание*, но только как бы искусственно усиленное в своем многократном обращении к тому же самому «духу». Такой прием призван пробудить *воспоминание* о давнем времени и о давно минувших обстоятельствах жизни учредителя того или иного Учения, а значит, – *пробудить* в этом «практикующем» человеке сокрытый духовный источник, который, в конечном итоге, приведет человека к тому же самому результату или духовному опыту, который получил в свое время основатель этой религии, – опыту, положившему начало всей его проповеди.

Главное в таком «воспоминании» – это как бы *реально* перенести себя во время жизни почитаемого Учителя, в его эпоху, с тем, чтобы «оживить Учителя» в своем внутреннем мире. И читателю понятно, что Христос совсем не случайно уделяет этому вопросу такое большое внимание. Он сам устанавливает в качестве «воспоминания о Себе» обряд Евхаристии, а Конфуций – в качестве «воспоминания» о давно ушедших прославленных «Духах верха» (о Вэнь-ване или Чжоу-гуне) – восстанавливает практику *Жэнь*. И цель такого «воспоминания» – вовсе не в том, чтобы еще раз напомнить практикующему человеку о «Себе, любимом» (напр., о Христе), а чтобы в этом практикующем человеке *пробудить тот же самый духовный опыт*, который *реализовался* в Учителе и который выводит человеческое существо на со-

вершенно иной уровень бытия.

Ну а более поздняя средневековая «Иисусова молитва» – это уже как бы **продублированное «воспоминание»** об Иисусе Христе, которое, в отличие от Евхаристии, доступно *любому* человеку, в *любое* время и в *любом* «количестве» (также, как и *Жэнь*). Дело в том, что учрежденное самим Христом «воспоминание» (в виде общей чаши вина и единого разделяемого на всех караваев хлеба) со временем стало восприниматься Церковью как некая Божественная «мистерия» (русское слово «Таинство» в обратном переводе на новогреческий – это и есть *мисті́рион*, напр., известные «*Элевсинские мистерии*» в Древней Греции). То есть *естественное* человеческое **воспоминание**, которое учредил сам Христос, оказалось переведенным в разряд церковного **богослужения** и стало проводиться *только* в Храме, *только* рукоположенным священником и *только* в строго определенное время. В противоположность тому, что в раннем христианстве это был обычный совместный прием пищи, проводимый в любом доме, без жесткой привязки ко времени, и без участия представителей церковной иерархии, которых в то время еще не существовало.

Безусловно, Евхаристия «мистерией» (т. е. подлинным духовным опытом) не является, и это подтвердит на собственном примере каждый здравый причастник. Она *мистерией* не является уже по одной той причине, что этот церковный обряд носит открытый публичный характер, а это – *профа-*

нация любой подлинной *мистерии*, как сокровенного *тайнства*.

Человечество, например, до сих пор не знает, что, в действительности, происходило в *подлинных мистериях*. Не знает, что совершалось в *Телестереоне* Элевсинского Храма, когда греческих *ми́стов* посвящали в *мистерии*; или что происходило при проведении *мистерий* Осириса (мистерий Воскресения Бога) в Древнем Египте. И это при том, что общее число *ми́стов*, прошедших через эти древние *мистерии* за тысячелетия существования *мистерий*, исчислялось, наверное, миллионами (древний городок Элевсин с его Храмом и регулярными мистериями существовал в Греции с XII в. до н. э. и вплоть до IV в. н. э.). Через *Элевсинские мистерии* прошли, например, философ Платон, его учитель Сократ, трагик Софокл, сочинитель комедий Аристофан, а также все прославленные деятели древней Эллады, включая Александра Македонского. Никто не разгласил эту тайну. Это и есть критерий подлинной *мистерии*. Или мы самоуверенно полагаем, что древние были примитивнее нас, сегодняшних? *О, са́нкта симпли́цитас!*

Евхаристия – это не *мистерия*, это просто «воспоминание», которое, как и всякое другое подлинное «воспоминание», может содействовать получению духовного опыта. И в этом отношении христианская Евхаристия – это, фактически, аналог *Жэнь* Конфуция, практикуемого во время совершения религиозного жертвоприношения в Храме предков.

В заключение рассмотрения *Жэнь* целесообразно проследить историческую судьбу этого иероглифа. Его появление следует датировать первым периодом существования династии Чжоу. В тексте Ши цзин («Книга песен») он используется в качестве устойчивого в смысловом отношении знака. В это время в Китае еще не существовало государственных институтов, отвечающих за унификацию значений и изображений иероглифов, поэтому смысловое содержание *Жэнь* было известно только узкому кругу аристократов, занимающихся практикой «постижения *Дэ*». После исчезновения этой социальной группы Раннего Чжоу, каждый интеллигент Китая стал воспринимать значение иероглифа *Жэнь* на основании собственного прочтения и понимания стихов Ши цзин.

Актуальность конкретизации значения *Жэнь* возникла в Китае только после появления Лунь юя, в котором этот иероглиф занимает одно из важнейших мест. Фактически, без знания смысла этого знака Лунь юй непонятен. Начиная с периода прославления Конфуция, проблема понимания *Жэнь* приобрела общекитайское значение. Следует констатировать, что эта задача оказалась неразрешимой для изменившегося духовно Китая.

Для объяснения возникших в Китае затруднений целесообразно обратиться к азам функционирования иероглифической письменности. В случае алфавитной письменности существует однозначный набор букв для любого произносимого слова, потому что каждому звуку языка соответ-

ствуует конкретная буква алфавита. И никакого недопонимания при переходе от сказанного слова к слову записанному, если письмо алфавитное, возникнуть не может. Для иероглифической письменности это не так, – здесь все гораздо сложнее. В иероглифике порознь существуют два равноценных информационных источника: рисунок, обозначающий предмет, и произносимое слово, которое соотносится с этим предметом.

Рисунок иероглифа *Жэнь* уже во время Конфуция воспринимался как нечто не совсем понятное, но при этом единое в своем смысловом значении – «человек» и «2». Так зрительно транслировалось в ум китайца или мысленно «расшифровывалось» это изображение. В то время как само слово-иероглиф читалось в виде *жэнь*. В процессе живой речи собеседник из контекста распознавал, о каком именно *жэнь* шла речь: просто о «человеке», о рассматриваемом нами «человеке-двойке» или о каком-то другом *жэнь*. Ученики Конфуция и все собеседники этот иероглиф *Жэнь* воспринимали как непонятное «*жэнь-эр*» («человек+2»). И только сам Конфуций знал подлинное значение этого иероглифа. Всем остальным оставалось только гадать, склоняясь к значению «человеколюбие», которое действительно является одной из главных характеристик того человека, который успешно осваивает технику *Жэнь*.

Учитывая то, что Конфуций в своих беседах так и не раскрывает секрет этого иероглифа, вопрос о его истинном зна-

чении в тексте Лунь юй «повисает в воздухе» на тысячелетия. Любой профессиональный исследователь текста отдает себе отчет в том, что понимание иероглифа *Жэнь* в Лунь юе в смысле «человеколюбие» является неприемлемой натяжкой. По этой причине отечественный знаток древнекитайского языка В. С. Колоколов уже в наше время пытался подобрать для *Жэнь* какое-то другое значение: он переводил его как «нелицеприятность» или «беспристрастность». А патриарх отечественной китаистики В. М. Алексеев – как «истинно-человеческое». Л. И. Головачева предлагала сообществу для обсуждения новый перевод – «совесть», но в этом случае вопросов появлялось гораздо больше, чем при «человеколюбии».

В истории Китая «точку» на этой проблеме поставил философ Мэн-цзы, который является вторым по почитанию «конфуцианцем» Китая. В текстах Мэн-цзы смысловое содержание *Жэнь* – это уже «сто процентное человеколюбие», как одна из главных характеристик «совершенномудрого» человека. Отсюда Мэн-цзы решает вставший перед ним вопрос, являющийся закономерным следствием такого понимания *Жэнь*: каким образом – за счет каких действий или поведения – можно «приобрести» это *Жэнь* в качестве неотъемлемой черты своего характера или «внутреннего я»? Этот же вопрос решали и неоконфуцианцы, которые понимали *Жэнь* так же, как и Мэн-цзы.

Принципиальная ошибка этих философов заключалась в

том, что *Жэнь* – это не некое качество характера, которое необходимо в себе воспитывать с помощью особых «приемов», а это и есть тот «прием» или та практика, благодаря которой реализуется цель, заявленная в Учении Конфуция. Причем, здесь сразу же следует сделать важную оговорку: в действительности *Жэнь* вовсе не является каким-то особым искусственным приемом, наподобие *асан* индийских йогов или их техники концентрации внимания. *Жэнь* в качестве особого приема воспринимаем мы, сегодняшние. В противоположность нам, для древнего китайского аристократа Чжоу состояние *Жэнь* – это его *естественное состояние*, преследующее цель поддержания постоянного контакта с миром благих ушедших душ. Для древнего китайца это – то же самое, что сегодняшний «смартфон» в руке школьника начальных классов, находящегося на постоянной связи со своей мамой. Об этом свидетельствует весь китайский опыт династии Чжоу. *Жэнь* древнего человека можно сравнить с нашим хорошим настроением, за которое, как и за *Жэнь*, следует бороться, настраивая и преодолевая себя.

Разве сегодня какой-нибудь сын или дочь не испытывает желание поскорее увидеть своего любимого отца, который уехал в длительную командировку? И он (она) мысленно, причем произвольно, делает все для того, чтобы эта встреча приблизилась. В этом отношении древние были такими же, как и мы. Но с одним отличием. Они знали, что умершие остаются жить, пусть и в других «мирах». И тоскуя

О них, они стремились с ними вновь встретиться или «соприкоснуться», – не физически, а как-то по-иному, что нельзя объяснить «на языке». Их можно понять. И у них это получалось, а иначе в Китае никогда бы не появились Вэнь-ван и Конфуций. И «по этой же схеме» истинный христианин *встречается* с живым Христом. А это и есть Царство Небесное.

Дэ

Дэ. Это «[духовная] благодать» (перевод выдающегося российского китаевода В. М. Крюкова). То есть это некая особая и до настоящего времени не идентифицированная наукой «благая энергия», которую человек получает совершенно неожиданно для себя, – неизвестно откуда, но, как ему кажется, откуда-то «свыше». Китайцы династии Чжоу были уверены в том, что она приходит от ушедших в «иной мир» предков, а точнее, – от самого Неба-*Тянь* или от «духов верха» (иныцы предшествующей династии, которые эту энергию тоже получали, термина *Тянь* не знали). Но и такое определение не охватывает всего спектра понимания этой таинственной «силы *Дэ*».

Одновременно со сказанным выше, эта «сила» как бы потенциально пребывает или латентно «спит» в каждом человеке, и каждому необходимо ее только актуализовать или «пробудить» с помощью высших духовных сил. Причем, в качестве представителя этих сил может выступать любой духовный авторитет, уважаемый практикующим человеком: Вэнь-ван, Небо-*Тянь*, первопредок иныцев Шан-ди (здесь *шан* – это то же самое *шан*, что и в *Жэнь*); в христианстве – это Христос, Серафим Саровский или Николай Угодник, а для кого-то – апостол Павел или Пресвятая Богородица. Таким авторитетом может стать Будда, Кришна из Бхага-

вад-Гиты, Конфуций, Моисей и даже Елена Рерих с ее Агни-Йогой, наполненной индийскими аллюзиями. Главное – чтобы сам человек боготворил такой «авторитет», а значит, – чтобы этот авторитет был для него «верхом».

Природа этой странной энергии принципиально отличается от всего того, что известно человеку и с чем он может встретиться в своей обычной жизни. Это – не неожиданно возникшая в нас радость от получения какого-то желанного известия или подарка, это не «любовь с первого взгляда», не ощущаемый нами жар от натопленной в морозный день бани, не ласки любимой женщины, не гордость за достижения детей, не сердечное тепло от сделанного добра, не *эврика* неожиданно найденного решения. Это, наконец, не легкое опьянение от прекрасного вина и ни что другое в мире, включая прекрасную поэзию или музыку.

Это можно сравнить с тем, когда промозглой и ненастной осенью – когда на сердце человека неуютно и беспросветно – вдруг неожиданно выглянет теплое солнышко, прямо тебе в глаза, и в это время *действительно* «придет весна», – «весна» *совершенно настоящая*. И человеку – независимо от всех внешних обстоятельств – вдруг станет светло, чисто, тепло и радостно в сердце, а все бывшие невзгоды покажутся несущественными.

Но главное в этом состоянии то, что получивший *Дэ* человек ясно осознаёт, что это *Дэ* имеет какое-то иное, «небесное» происхождение, – что оно возникло не от «изменения

его настроения» или от получения им какой-то радостной вести. Человек понимает, что он неожиданно для себя стал причастником какой-то *тайны*, неизвестной ему доселе новой жизни, – той чудной жизни, которая – «другая», чем наша обычная, земная, – жизни более прекрасной, светлой, беспечальной и справедливой, т. к. в этой «другой» жизни нет и не может быть даже малейшего обмана, зла или неправды. Человек как будто поднимается ввысь над всеми нашими земными человеческими проблемами и заботами, – чистый, пронизанный эфиром, светящийся и как будто сам становящийся наполовину ангельским созданием.

Но при этом такая получаемая им «энергия» – этого человека обязательно *укрепляет* и делает его более *уверенным* в жизни. И это – вовсе не первые признаки какой-то психической болезни: *Дэ* получали *ваны* (правители) чжоуского Китая и их ближайшие приближенные, и ни об одном из них не упомянуто в хрониках, что он-де заболел какой-то «душевной болезнью». Более того, именно время их правления – первый период Западного Чжоу – навсегда вошло в историю Китая как «Золотой век».

Христиане полагали, что *благодать* – а у них подобная «энергия» тоже была и есть – происходит от самого Иисуса Христа или от Духа Святого (в христианстве существует устойчивое выражение – «благодать Духа Святого»). В отличие от евангельской «благодати» (греческое *χαρις* – благодать Царства Небесного), *Дэ* китайцев – это «благодать» *рай-*

ского состояния, если классифицировать это в категориях проповеди Христа о «Царстве Небесном». Но для Раннего Чжоу, как и для самого Конфуция, их Дэ – это просто «благодать» или «благой дар», исходящий от «духов верха» или от самого Неба-Тянь, т. к. никакой другой «благодати» Китай (в том числе и во время Западного Чжоу) не знал.

Природа этих двух «благодатей» – китайской и евангельской – одинакова по своей исключительной привлекательности для человека. Недаром, ведь, прославленный богослов Иоанн, автор *Евангелия от Иоанна*, заявляет следующее: «*И все мы получили благодать вместо* (греч. *άντι*) *благодати*» (Ин. 1:16); то есть, получили, – если говорить оперируемыми нами понятиями, – благодать *хáрис* вместо (или *после*) благодати Дэ. Такое может сказать только тот, кто знает *обе* эти благодати собственным опытом – одну после другой – и может их сравнить.

В разряд «духов верха» переходили те умершие люди (их «души»), которые во время своей жизни на земле достигали состояния «просветления сердца» (*мин синь*, – термин Раннего Чжоу). Получение же человеком первоначального Дэ свидетельствовало о том – и самому человеку, и всем окружающим, – что такой человек «встал на Путь» и находится в процессе достижения внутреннего совершенства, что он следует истинным путем (*Дао*) Раннего Чжоу и правильно почитает «мир предков».

Получение Дэ четко фиксируется самим получателем это-

го «дара», но это также очевидно и со стороны, – для тех людей, которые неоднократно сталкивались с таким явлением в своем окружении или знают это состояние по собственному опыту. Как свидетельствуют надписи на жертвенных сосудах периода Раннего Чжоу, получение Дэ было далеко не единичным явлением для аристократической среды и самих правителей (*ва́нов* или «Сыновей Неба») этого государства.

Вэнь

Вэнь. Графически – это совершенно очевидный рисунок «человека с сердцем». Рисунок изображает человека в полный рост (вид спереди) с намеренно гипертрофированной грудной клеткой, на большом пространстве которой и нанесено – прямо посередине – изображение сердца. В предшествующей династии Инь, которая иероглифа «сердце» не знала, вместо сердца наносился условный знак, чаще в виде «косого креста». *Вэнь* – это человек, достигший в жизни той главной цели, которую ставили перед собой правители и высшие аристократы Раннего Чжоу, имея перед собой в качестве примера легендарного со-основателя династии Чжоу – Вэнь-вана, который получил свое имя *Вэнь* посмертно именно по этой причине. Речь в данном случае идет о получении человеком особого конкретного духовного опыта, который отличается от получения им *Дэ* (которое можно образно характеризовать как «веяние»), и который в Китае времени Раннего Чжоу имел название *мин синь* – «просветление сердца» (или, в глагольной форме, «просветлить сердце»).

Такой человек-*Вэнь*, по убеждению Конфуция (а Конфуций этот опыт тоже получил, что следует из текста Лунь юй), выполнил свою задачу на земле и после окончания своего земного поприща его «дух» (*шэнь*) присоединится к прославленному сонму «духов верха». В Западном Чжоу такие

совершенные *духи* стали именоваться устойчивыми словосочетаниями *Вэнь шэнь* («духи [получившие при своей земной жизни опыт] *Вэнь*»), а также *сянь Вэнь жэнь* («прежние люди-*Вэнь*», где иероглиф-омоним *жэнь* означает слово «человек») или *Вэнь као* («родитель [получивший опыт] *Вэнь*»). В случае евангельской проповеди Христа такой опыт эквивалентен достижению человеком посмертного *райского* состояния, которое является наградой иудею за соблюдение заповедей Моисея. Здесь достаточно вспомнить царя Давида с его «расширившимся сердцем».

Три категории – *Жэнь*, *Дэ* и *Вэнь* – тесно связаны между собой, о чем четко заявлено в тексте Лунь юй. Они связаны указанной выше последовательностью во времени, а также требованием обязательной реализации предшествующего состояния, без чего последующее состояние невозможно. Итак, *Вэнь* – это одновременно (1) **человек**, который достиг состояния «просветления сердца», но также и (2) **название** этого *состояния* или опыта, который во время Раннего Чжоу стал обозначаться также словосочетанием «просветление сердца» (*мин синь*).

В Западной традиции этот духовный опыт тоже был известен, и его название тоже связано со словом «сердце», потому что главное в этом опыте – *осознание* человеком своего сердца как «отдельного существа». В Древнем Египте и у древних евреев этот опыт назывался «расширением сердца», а в Древней Греции (но также и в коптском *Евангелии от*

Фомы) этот опыт перефразируется известным сократовским изречением «Познай самого себя». Эти слова были выбиты на колонне (или на фронтоне) знаменитого храма Аполлона в Дельфах, где вещали прорицательницы пифии. Фактически это древнее греческое выражение эквивалентно словосочетанию «Познай свое *сердце*».

Эти точные словесные формулировки рассматриваемого нами опыта как нельзя лучше характеризуют то, что происходит внутри самого человека. Зная эти два древних термина – «расширение сердца» и «просветление сердца», – человек, получивший такой опыт, никогда не ошибется в принадлежности того «чуда», которое с ним произошло, именно к *этому* опыту. Не заметить в себе такое событие он тоже не может, – настолько это состояние *необычно*: новое, яркое и ни с чем не сравнимое. Для человека начинается *новая жизнь* в прямом смысле этого слова, он – «рождается свыше», как об этом сказано в евангельском тексте. Поэтому Иисус и заявляет мудрому Никодиму: «*Должно вам, иудеям, родиться свыше!*». Проповедуемое Христом Царство Небесное недоступно тому, кто такое «рождение» не получил.

В этом опыте человек впервые знакомится со своим собственным *сердцем*, как с каким-то живым, замечательным, интересным, обладающим сознанием, но в то же самое время «чужим» существом. И если он впредь будет согласовывать с «ним» все свои поступки и даже мысли, – «оно» станет для него даже «родным» советчиком во всех трудных де-

лах. Фактически, это *новое сердце* олицетворяет полностью проснувшуюся в человеке *совесть*. В классических *Упанишадах* Индии такое «пробудившееся» сердце человека называется словом *атман* (буквально, «Сам»).

Можно сделать предположение, что словосочетание *мин синь* («просветление сердца»), которое присутствует в текстах, нанесенных на внутренние стенки ритуальных бронзовых сосудов (чтобы их «видели» только духи, потребляющие приготовленную для них пищу), относилось к разряду *тайных* или не разглашаемых за пределами узкого круга посвященных. Именно это выражение раскрывает содержание того процесса, который происходит в человеке. В то время как слово *Вэнь* было известно всему народу в качестве высшей оценки деятельности того или иного правителя или важного чиновника, – его «культуры» (так это стало восприниматься впоследствии), образованности и высшей нравственности. И в этом нет никакого противоречия, – такие качества полностью соответствуют человеку-*Вэнь*. Примером этому является сам Конфуций.

Существует более естественное и простое объяснение этому вопросу – почему в древних текстах одновременно присутствуют термины *Вэнь* и *мин синь*, которые, как будто, обозначают одно и то же. Иероглиф *Вэнь* изначально, еще в государстве Инь, графически изображал человека, получившего опыт *Вэнь*. Посмертное имя *Вэнь*, как у *Вэнь-вана*, встречается не только в Чжоу, но и в династии Инь. Династия

Чжоу эту практику «постижения Дэ» (*чжэ Дэ*) переняла от Инь и развила ее до полного совершенства, снабдив соответствующей терминологией. Отсюда – появление в лексиконе Чжоу многих новых иероглифов, в том числе, иероглифа *синь* – «сердце», которого в Инь не было. В результате усовершенствования этой практики, появились и те словесные формулировки, которые имели отношение к этому вопросу. И если за термином *Вэнь* осталось его прежнее значение существительного («человек с просветленным сердцем» или «опыт просветления сердца»), то *мин синь* стало обозначать преимущественно глагольную функцию такого состояния – «просветлить сердце».

Именно в это время чжоусцы на древнем иньском иероглифе *Вэнь* стали изображать – вместо условного знака в виде «галочки» или «крестика» – этот вновь введенный знак *синь*. А с появлением знака *синь* возникло и новое словосочетание *мин синь*, для которого раньше не было необходимого иероглифа. То есть, скорее всего, в этом вопросе нет, и не может быть, никакой конспирологии. Жизнь аристократа древнего Китая была отделена от народа «высокими стенами», – народ иероглифической грамоты не знал, и «прятать» это *мин синь* было просто не от кого. Кстати сказать, в это же время на древнем иньском знаке *Дэ* («благодать») в его нижней части тоже появляется дополнительный знак «сердце» (*синь*). А как обойтись без «сердца» в любом подлинном духовном опыте? Никак. Кроме опыта *ниргуна-*

Брахмана, конечно.

Ли

Ли. «Ритуал жертвоприношения духам» – таков изначальный смысл этого иероглифа. Этот термин Лунь юя не имеет ничего общего с известными «китайскими церемониями», во что он стал вырождаться уже при жизни Конфуция. *Ли* – это узаконенное (канонизированное) богослужение, аналогичное богослужению в христианской церкви, в процессе которого «духам предков» оказывались всякие почести и предлагалась жертвенная пища, включая алкогольные напитки. В конце такого богослужения эта пища потреблялась всеми присутствующими совместно с «сошедшими к трапезе духами». То есть *Ли* – это совместное действие, в том числе трапеза живых и умерших, пусть и не видимых для глаз живущих.

То, что пища, предлагаемая духам, оставалась ими нетронутой, не вызывало никакого недоумения у участников жертвоприношения, как это было бы воспринято в настоящее время. Древние китайцы знали, что «духи» питаются не физической пищей, а той «невидимой» (мы называем это словом «духовная»), которая присутствует во всякой пище физической. И в таких представлениях китайцев – полная аналогия с другими древними цивилизациями: с Древним Египтом, например, с Персией пророка Заратуштры, а также с верованиями мандеев. Во всех этих цивилизациях суще-

ствовало представление о том, что есть мир «наш», физический, и «мир *Ка*» (в Древнем Египте) или мир *Мишунья Кујита* (у тех мандеев, которые во время Христа и ранее именовались словом «назарей») – тот «мир двойников», в котором и обитают «духи предков».

Древний египтянин, например, входил в специальное строение-часовню, которое было расположено непосредственно у места погребения мумии его близкого родственника, – входил с «пустыми руками», – мысленно представлял себе угощение из фруктов, еды и напитков, которое он был намерен предложить в жертву покойному, и торжественно провозглашал: «Отец, прими от меня эту ветку прекрасного винограда, который ты так любил, когда был рядом с нами». И *Ка* его отца с благодарностью принимало эту жертву. Именно с этой целью – с целью «питания» усопшего в гробнице – ее стены были разрисованы кушаниями разного рода.

Надо было просто «уметь представить» в своем воображении все это таким образом, чтобы оно обрело реальность для «мира *Ка*». Однако если человек в существование этого «мира-*Ка*» не верит (речь идет, скорее всего, уже о нашем времени) – а следовательно если в его внутреннем духовном мире нет осознаваемой им самим «частицы» этого «мира-*Ка*», – в таком случае все подобные красивые слова о «яствах» оказываются детской «погремушкой». Понятно, что в качестве подношения миру мертвых для нас гораздо проще иметь реальную пищу, чем пищу, существующую в нашем вообра-

жении. Что мы и делаем, посещая могилы наших близких. Следовательно, древний египетский мир по своему духовному развитию был *выше* мира китайского. Об этом свидетельствует также и тот факт, что египтяне видели в человеке не только «китайское *шэнь*» (аналог египетского *Ка*), но также *Ба*, *Ах*, *Рен* и другие составные части «души». Подлинный духовный мир египтянина для сегодняшнего человека, владеющего атомной бомбой, – это *terra incognita*.

При проведении жертвоприношений также совершались различные религиозные действия, – в том числе исполнялись специальные музыкальные произведения (громко сказано!) и танцы, которые были призваны для прославления и *памятования* «духов предков». Все это носило исключительно религиозный, а не светский характер.

Для китайцев Раннего Чжоу именно ритуал (*Ли*) был единственным *узаконенным* способом общения человека с потусторонним миром духов, – мира, который, по убеждению древних, был таким же реальным и «живым», как и мир земной. Практика *Жэнь* фактически является еще одной, но уже *элитной* формой такого общения. Если *Ли* – это «духо-служение», которое имеет отношение преимущественно к **внешним действиям** человека, то *Жэнь* – это «духо-служение», которое совершается в нашем **внутреннем мире**.

Дао

Дао. «Путь», «дорога» (в том числе жизненная). В Учении Конфуция этот термин не имеет ничего общего с *Дао* древнего трактата Дао Дэ цзин. В этом отношении Конфуций полностью следует тем представлениям о *Дао* и о *Дэ*, которые имели место в Раннем Чжоу. Безоговорочный приоритет имела категория *Дэ*, а термин *Дао* мог выступать только в качестве синонима словосочетанию «[духовное] учение», но сам по себе этот иероглиф не имел никакой духовной окраски.

Следует отметить, что и для Дао Дэ цзина первоначальное название этого трактата, – а точнее, первоначальное следование его глав – это Дэ Дао цзин. Сначала, как более важные, шли главы о *Дэ*, а затем – о *Дао*, несмотря на совершенно иной статус этого *Дао* в трактате. И только впоследствии, когда духовный смысл Учения Раннего Чжоу был полностью утрачен, на первое место вышла категория *Дао*, отдаленно копирующая (безо всякого обоснования в древней китайской традиции) представление о Брахмане классических индийских *Упанишад*. При этом если Учение Конфуция – это продуманный, апробированный и возможный для тиражирования духовный Путь (как и путь евангельский), то *Дао* Дао Дэ цзина – это описание отдельных спонтанных мистических откровений, зачастую граничащих с шаманскими

практиками. Более того, окончательный текст Дао Дэ цзина был основательно отредактирован каким-то «политическим коммерсантом», не имеющим ни малейшего представления о подлинной духовности, – отредактирован для того, чтобы *продавать* такую «технику управления народом» тем князьям царств, которые покупались на подобную «псевдо-древность». В «бочку прекрасного меда» была добавлена изрядная порция «чёрного дегтя». Это и есть «современный» Дао Дэ цзин.

Сяо

Сяо. Термин Лунь юя (и Раннего Чжоу), который не имеет ничего общего с его традиционным поздним значением – «сыновняя почтительность» или «почитание родителей» во время их жизни, причем, почитание как отца, так и матери. Иероглиф *Сяо* состоит из двух знаков: «земля» (куда уходят все покойники) и «сын».

В обоих этих знаках в качестве составного элемента (это произошло во время Раннего Чжоу) был намеренно выделен один и тот же древний знак «верх» (*шан*), который мы видим в иероглифе *Жэнь* справа. Как мы уже говорили, иероглиф *шан* означал сокращенную форму словосочетания «[духи] верха». И именно в период Раннего Чжоу *шан* стало входить составной частью в целый ряд иероглифов, имеющих непосредственное отношение к духовному миру предков.

Древние люди страшились изображать полную форму или произносить полное имя духовных категорий, – с тем, чтобы ненароком не вызвать их к жизни или не актуализировать их явление в неподходящее время и боясь навлечь на себя гнев духов. В буквальном прочтении древний рисунок *Сяо* – это «сын, почитающий духов предков». Но не всех предков, а именно своих. И не дочь, а именно сын.

Для сына первым и главным кандидатом на такого «предка» являлся его живой отец, а для его отца, например, уже

умерший дед этого сына (о женщинах – дочерях, матерях, бабках – речь не шла, т. к. ритуал обслуживался исключительно мужской линией предков). То есть *Сяо* – это, в первую очередь, «почитание линии ближайших предков по мужской линии», почитание той непрерывной «цепи предков», от которых ожидалось – в обмен на добросовестное исполнение требований ритуала (*Ли*) – их благосклонное отношение к живущим потомкам. А именно, – всяческое содействие (помощь) живым родственникам (напр., в защите от болезней, содействии в успехах на государственной службе, помощи в рождении сыновей – именно мальчиков, а не девочек! – в защите от злых духов и т. д.). Однако исходя из простой человеческой логики становится понятно также и то, что если все умершие действительно *живы*, значит, такую помощь может оказать также и дух умершей матери, – в том случае, если с сыном или дочерью ее при жизни связывали особо близкие отношения. И тот факт, что мы видим подобные исключения, зафиксированные в древних текстах Китая, свидетельствует о том, что «райские обители» были открыты как для мужчин, так и для женщин.

Во время Раннего Чжоу у предков испрашивалось долголетие, счастливая жизнь и богатство (практика *чжэ Дэ* – это совершенно особая статья). Действие ритуала *Ли* распространялось только на аристократов, а простой народ довольствовался древними народными обычаями, связанными с суевериями и почитанием духов умерших. Ко времени

жизни Конфуция, как это следует из текста Лунь юй, осуществление ритуальных действий в аристократической среде уже утратило свое первоначальное значение: положения древнего ритуала стали размываться и частично проникать в среду простых горожан сословия *ши*.

Как пишет В. М. Крюков в книге «Текст и ритуал», в Раннем Чжоу понятие *Сяо* предполагало не просто формальное соблюдение требований ритуала (*Ли*), но внутреннее *отдание* всего себя, т. е. *всего своего сердца*, службе этому миру ушедших предков. И только при таком нелицемерном «сердечном» отношении можно было ожидать ответной благосклонности со стороны духов. Первоначальное *Сяо* Раннего Чжоу (а именно здесь и появляется впервые этот иероглиф) – это «смирненное отношение ко всем предкам, а не только к собственным родителям. **Категория *Сяо* связана с культовым обслуживанием духов предков в ходе жертвенных церемоний**» (В. М. Крюков «Текст и ритуал», стр. 148).

И уже понимая, что в действительности означала категория *Сяо*, читателю можно несколько иначе взглянуть и на отношение древних китайцев к ранее рассмотренным нами категориям *Дэ*, *Жэнь*, *Вэнь* и *Ли*.

Тянь

Тянь. «Небо». Высшая сакральная инстанция, которая появилась в Раннем Чжоу и которая продолжала оставаться таковой на протяжении всей истории традиционного императорского Китая.

Китайское *Тянь* не следует хоть как-то отождествлять с нашим европейским понятием «Бог», которое имеет выраженные антропоморфные черты. Китай **никогда не знал понятия Бог**, и до сих пор не знает, т. к. непреодолимым препятствием к такому знанию всегда была существовавшая иероглифическая письменность. И с другой стороны, Небо-*Тянь* также не следует понимать, как что-то подобное Абсолюту индийской духовности (Брахман), заявленной в *Упанишадах*.

Тянь древних китайцев и Конфуция – это бесстрастный, пусть и одушевленный, Вселенский Закон или Принцип, который с безукоризненной тщательностью (как некий совершенный «механизм») отслеживает поведение каждого человека, поощряя его справедливые (праведные) поступки и наказывая за неправедные. Причем, действие такого Закона распространяется не только на время земной жизни человека, но и на его посмертное существование. Китаец, знакомый с практикой *Дэ*, полагал, что время пребывания человека на земле – это только небольшая часть его жизни. Традицион-

но считается, что «китайское Небо» олицетворяется ночным небосводом, который из года в год равномерно вращается вокруг Полярной звезды, не меняя ни в чем свое тысячелетнее поведение.

Можно вполне обоснованно предположить, что появление категории *Тянь* в Раннем Чжоу – вместо традиционно-го Шан-ди (*Высшего, Верховного* или *Верхнего* предка) предшествующей династии Шан-Инь (в названии династии *шан* – это уже другой иероглиф) – объясняется получением Вэнь-ваном особого духовного опыта, аналогичного евангельскому опыту «раскрывшегося Неба», который Христос получил во время своего Крещения на Иордане. Этот опыт зафиксирован также в Дао Дэ цзине (*чжан* 10: «**Небесные врата открываются и закрываются**, – можешь ли быть как самка...»), и он является стандартным для человека, независимо от эпохи и национальной принадлежности. Например, подобный опыт имели русские дореволюционные старцы Силуан Афонский и о. Варсонофий, что зафиксировано в их биографиях.

Опыт заключается в том, что над человеком в какой-то момент времени вдруг совершенно неожиданно для него самого *раскрывается Небо* (правильнее сказать, «раскалывается», «разверзается», – греческое *схидзо*, как это описано в евангельском тексте у Марка, см. Мк. 1:10). Во время этого опыта привычное для нас небо неожиданно сбрасывает с себя покрывающую его «завесу», и взору человека открыва-

ется что-то несравненно более волнующее, прекрасное и захватывающее: какое-то невероятное и удивительное *Вселенское пространство*. При этом какого-то зримого или осознаваемого человеком «перехода» от обычного состояния «неба» к новому – нет. Это происходит так, что *это уже произошло*. Обратный процесс – процесс возвращения к «обычному небу» – происходит иначе: то, что было *чудом*, постепенно размывается и замещается тем, что всем нам хорошо известно.

Это «новое Небо» предстает перед человеком в совершенно измененном, необычном виде. Человек как будто оказывается в центре, «на дне» какого-то огромного *животворящего* котла брызжущей жизни, вертикальные стенки которого раздвигаются до самого горизонта. А высоко вверху и по сторонам – одно восхитительное *новое* Небо-пространство, состоящее из какой-то высшей неземной Гармонии, из неведомой «музыки планет», – торжествующее, залитое Светом, восхитительно прекрасное, величественное, бездонное, нетленное, вечно счастливое и наделенное Высшим Сознанием.

Это и есть сфера обитания тех «духов верха», которые *обладают сознанием*. Фактически, это и есть тот прекрасный «Рай», в котором должна оказаться душа такого человека после смерти. В китайском опыте «просветления сердца» (*мин синь*) или, иначе, – «расширения сердца» (как это сказано в Псалме Давида, Пс. 118:32) человек как бы «узнаёт» про

этот *Рай*, – ему открывается это *сердечное знание*. А в опыте «раскрывшегося Неба» человек этот *Рай* уже *видит воочию* и в этом *Раю* оказывается непосредственно. Опыт «Неба» – выше опыта «сердца».

Здесь особо следует отметить следующее. Иероглиф *Тянь* содержит в своем рисунке – и **изначально содержал** – уже известный нам сакральный знак «верх». Поэтому целесообразно сравнить графику этих двух важнейших иероглифов Раннего Чжоу – *Тянь* и *Жэнь*. Оба они составлены из двух одинаковых знаков: «человека»-*жэнь* и «верха»-*шан*. Но если в иероглифе *Жэнь* тот «человек», который обозначен ключевым знаком, **пребывает рядом** («на отдалении») с «духами верха», то в *Тянь* – **местопребывание** «человека» (этот знак представлен в виде полного иероглифа-«циркуля») и «духов верха» уже совмещено и **является одним и тем же**. При этом верхняя точка графики *жэнь* совпадает с верхней чертой знака *шан*. В своем смысловом понимании *Тянь* – это, фактически, рисунок человека, достигшего уровня «духов верха». Или, иначе, это рисунок человека, уже на земле принятого этими духами в свой мир.

И здесь у любого исследователя древнекитайского языка возникает закономерный вопрос: как случилось, что вся история династии Шан не знала слова «небо», если иероглиф *Тянь* появляется только в Чжоу? Ведь небо – это то, с чем встречается любой человек, и что он видит перед своими глазами ежедневно. И несмотря на то, что лексикон древнеки-

тайского языка во время династии Шан был очень ограничен, он обязательно должен был содержать в себе эту важнейшую категорию человеческого бытия. Исследователи же *не видят*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.